

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

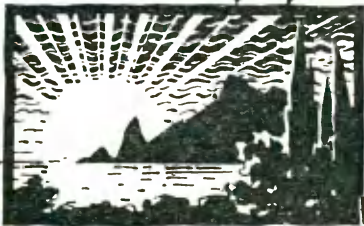

ЛЕ
ГЕН
ДЫ
К
РЫ
МА

Легенды Крыма

КРЫМИЗДАТ
Симферополь
1961

СФ
Л 38

Предисловие М. Ф. Рыльского

ЦВЕТЫ С ЧЕРНОМОРСКОГО БЕРЕГА

Прекрасная, душистая природа Крыма, многовековая и трагическая его история, в которой переплелись пути многих народов и племен нашей Родины, в которой отразилась их героическая борьба против иноземных захватчиков, «им же несть числа», — все это не могло не привлечь внимания поэтов, художников, композиторов...

Два великих поэта славянства — Пушкин и Мицкевич — воздали должное в своем творчестве крымской теме. Крымский пейзаж, жизнь людей этого солнечного полуострова подсказали не одну вдохновенную страницу Максиму Горь-

кому, Лесе Украинке, Михаилу Коцюбинскому, Александру Олесю, Владимиру Маяковскому.

Широко отразилось прошлое Крыма и в творчестве безымянных народных поэтов, в фольклоре. Сам воздух Крыма, его живописные горы, его прибрежные скалы, его рощи, сады, виноградники, я бы сказал, дышат поэзией, навевают легенды, сказки, песни.

История Крыма неотъемлема от истории древней Руси, позже — от истории Украины и России.

Для Украины казацких времен крымские города были связаны со страшным словом неволя, с татарскими набегами на мирные селения, а также с прославленными походами против турецко-татарских поработителей. Отражение событий того времени мы видим во многих гениальных строках Тараса Шевченко.

Народ России явил бессмертные патриотические подвиги в дни русско-турецкой войны 1853—1856 гг. Подвиги эти также отразились в многочисленных литературных произведениях, среди которых на первое место нужно поставить беспредельно правдивые «Севастополь-

ские рассказы» Льва Толстого. С. Н. Сергеев-Ценский, которого заслуженно можно назвать певцом Крыма и который был сыном одного из защитников Севастополя во время этой войны, посвятил ей трехтомный роман «Севастопольская страда», пользующийся большой популярностью у наших читателей. Крепко связаны с Крымом жизнь и творчество незабвенного П. А. Павленко.

Борьба за советский Крым, оборона Севастополя против фашистских захватчиков в дни Великой Отечественной войны вписали бессмертную страницу в историю советского народа. Те достопамятные дни нашли свое место в советской литературе, но они, мне кажется, еще ждут своего великого певца.

Под благодатным солнцем советского строя, на спокойных волнах мирного строительства Крым, как составная часть Украинской ССР, творит новую жизнь, насаждает новые сады и виноградники, расцветает небывалым цветом, вместе со всеми землями Советского Союза идет к лучезарным вершинам коммунизма.

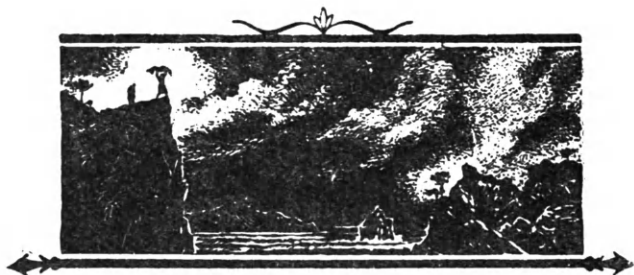
Но в безоблачные дни современности не можем мы забыть гроз и бурь прошлого.

В лежащей перед читателем книжке собрана, конечно, только часть крымских легенд и преданий, чудесных по своей простоте и внутренней правдивости. В этих произведениях много фантастики, иногда в них действуют колдуны и колдуньи, сверхъестественные силы... Но главное действующее лицо в них — народ, трудовой народ с его мужеством, великодушием, благородством. Верность родной стране и родному народу, девичья чистота и неизменная любовь воспеваются в легендах о далеком и близком прошлом Крыма, с которым так уместно знакомит нашу общественность Крымское издательство.

Думаю, что наши фольклористы, приветствуя появление «Легенд Крыма», с самым пристальным вниманием будут дальше собирать и изучать народные произведения, посвященные этому дивному полуострову.

А читатели, я уверен, поблагодарят за эту книжку, за эту корзинку свежих, розистых, благоуханных цветов с черноморского берега.

Максим РЫЛЬСКИЙ.

М. Горький

ХАН И ЕГО СЫН

«Был в Крыму хан Мосолайма эль Асваб, и был у него сын Толайк Алгалла...»

Прислонясь спиной к ярко-коричневому стволу арбутуса, слепой нищий, татарин, начал этими словами одну из старых легенд полуострова, богатого воспоминаниями, а вокруг рассказчика, на камнях — обломках разрушенного временем ханского дворца — сидела группа татар в ярких халатах, в тюбетейках, шитых золотом. Вечер был, солнце тихо опускалось в мо-

ре; его красные лучи пронизывали темную массу зелени вокруг развалин, яркими пятнами ложились на камни, поросшие мохом, опутанные цепкой зеленью плюща. Ветер шумел в купе старых чинар, листья их так шелестели, точно в воздухе струились невидимые глазом ручьи воды.

Голос слепого нищего был слаб и дрожал, а каменное лицо его не отражало в своих морщинах ничего, кроме покоя; заученные слова лились одно за другим, и пред слушателями вставала картина прошлых, богатых силой чувства дней.

«Хан был стар, — говорил слепой, — но женщин в гареме было много у него. И они любили старика, потому что в нем было еще довольно силы и огня и ласки его нежили и жгли, а женщины всегда будут любить того, кто умеет сильно ласкать, хотя бы и был он сед, хотя бы и в морщинах было лицо его—в силе красоты, а не в нежной коже и румянце щек.

«Хана все любили, а он любил одну казачку-полонянку из днепровских степей и всегда ласкал ее охотнее, чем других женщин гарема, где было триста жен из разных земель, и все они красивы, как

весенние цветы, и всем им жилось хорошо. Много вкусных и сладких яств велел готовить для них хан и позволял им всегда, когда они захотят, танцевать, играть...

«А казачку он часто звал к себе в башню, из которой видно было море, там для казачки он имел все, что нужно женщине, чтобы ей весело жилось: сладкую пищу, и разные ткани, и золото, и камни всех цветов, музыку, и редких птиц из далеких стран, и огненные ласки влюбленного. В этой башне он забавлялся с ней целые дни, отдыхая от трудов своей жизни и зная, что сын Алгалла не уронит славы ханства, рыская волком по русским степям и всегда возвращаясь оттуда с богатой добычей, с новыми женщинами, с новой славой, оставляя там, сзади себя, ужас и пепел, трупы и кровь.

«Раз возвратился он, Алгалла, с набега на русских, и было устроено много праздников в честь его, все мурзы острова собрались на них, были игры и пир, стреляли из луков в глаза пленников, пробуя силу руки, и снова пили, славя храбрость Алгаллы, грозы врагов, опоры ханства. А старый хан был рад славе сына. Хоро-

шо было старику знать, что, когда он умрет, — ханство будет в крепких руках.

«Хорошо было ему это, и вот он, желая показать сыну силу любви своей, сказал ему при всех мурзах и беках, — тут, на пиру, с чашей в руке, сказал:

«— Добрый ты сын, Алгалла! Слава аллаху и да будет прославлено имя пророка его!

«И все прославили имя пророка хором могучих голосов. Тогда хан сказал:

« — Велик аллах! Еще при жизни моей он воскресил мою юность в храбром сыне моем, и вот вижу я старыми глазами, что, когда скроется от них солнце и когда черви источат мне сердце, — жив буду я в сыне моем! Велик аллах и Магомет—пророк его! Хороший сын у меня есть, тверда его рука и ясен ум... Что хочешь ты взять из рук отца твоего, Алгалла? Скажи, и я дам тебе все по твоему желанию...

«И не замер еще голос хана-старика, как поднялся Толайк Алгалла и сказал, сверкнув глазами, черными, как море ночью, и горящими, как очи горного орла:

«— Дай мне русскую полонянку, повелитель-отец.

«Помолчал хан—мало помолчал, столько времени, сколько надо, чтобы подавить дрожь в сердце, — и, помолчав, твердо и громко сказал:

«Бери! Кончим пир, — ты возьмешь ее.

«Вспыхнул удалой Алгалла, великой радостью сверкнули орлиные очи, встал он во весь рост и сказал отцу-хану:

«— Знаю, я, что ты мне даришь, повелитель-отец! Знаю это я... Раб я твой—твой сын. Возьми мою кровь по капле в час — двадцатью смертями я умру за тебя!

«— Не надо мне ничего! — сказал хан, и поникла на грудь его седая голова, увенчанная славой долгих лет и многих подвигов.

«Скоро они кончили пир, и оба молча рядом друг с другом пошли из дворца в гарем.

«Ночь была темная, ни звезд, ни луны не было видно из-за туч, густым ковром покрывших небо.

«Долго шли во тьме отец и сын, и вот заговорил хан эль Асваб:

«— Гаснет день ото дня жизнь моя — и все слабее бьется мое старое сердце, все меньше огня в груди. Светом и теплом

моей жизни были знойные ласки казачки... Скажи мне, Толайк, скажи, неужели она так нужна тебе? Возьми сто, возьми всех моих жен за одну ее!..

«Молчал Толайк Алгалла, вздыхая.

«— Сколько дней мне осталось? Мало дней у меня на земле... Последняя радость жизни моей — эта русская девушка. Она знает меня, она любит меня, — кто теперь, когда ее не будет, полюбит меня, старика — кто? Ни одна из всех, ни одна, Алгалла!..

«Молчал Алгалла...

«— Как я буду жить, зная, что ты обнимаешь ее, что тебя целует она? Перед женщиной нет ни отца, ни сына, Толайк! Перед женщиной все мы — мужчины, мой сын... Больно будет мне доживать мои дни... Пусть бы все старые раны открылись на теле моем, Толайк, и точили бы кровь мою, пусть бы я лучше не пережил этой ночи, мой сын!

«Молчал его сын... Остановились они у двери гарема и, опустив на груди головы, стояли долго перед ней. Тьма была кругом, и облака бежали в небе, а ветер, потрясая деревья, точно пел, шумел деревьями...

«— Давно я люблю ее, отец... — тихо сказал Алгалла.

«— Знаю... И знаю, что она не любит тебя... — сказал хан.

«— Рвется сердце мое, когда я думаю про нее.

«— А мое старое сердце чем полно теперь?

«И снова замолчали. Вздыхнул Алгалла.

«— Видно, правду сказал мне мудрец-мулла — мужчине женщина всегда вредна: когда она хороша, она возбуждает у других желание обладать ею, а мужа своего предает мукам ревности; когда она дурна, муж ее, завидуя другим, страдает от зависти; а если она не хороша и не дурна, — мужчина делает ее прекрасной и, поняв, что он ошибся, вновь страдает через нее, эту женщину...

«— Мудрость не лекарство от боли сердца, — сказал хан.

«— Пожалеем друг друга, отец...

«Поднял голову хан и грустно поглядел на сына.

«— Убьем ее, — сказал Толайк.

«— Ты любишь себя больше, чем ее и меня, — подумав, тихо молвил хан.

«— Ведь и ты тоже.

«И опять они помолчали.

«— Да! И я тоже, — грустно сказал хан. От горя он сделался ребенком.

«— Что же, — убьем?

«— Не могу я отдать ее тебе, не могу, — сказал хан.

«— И я не могу больше терпеть — вырви у меня сердце или дай мне ее...

«Хан молчал.

«— Бросим ее в море с горы.

«— Бросим ее в море с горы, — повторил хан слова сына, как эхо сынова голоса.

«И тогда они вошли в гарем, где она уже спала на полу, на пышном ковре. Остановились они перед ней, смотрели: долго смотрели на нее. У старого хана слезы текли из глаз на его серебряную бороду и сверкали в ней, как жемчужины, а сын его стоял, сверкая очами, и, скрежетом зубов своих сдерживая страсть, разбудил казачку. Проснулась она — и на лице ее, нежном и розовом, как заря, расцвели ее глаза, как васильки. Не заметила она Алгаллу и протянула алые губы хану.

«— Поцелуй меня, орел!

«— Собирайся... пойдешь с нами, — тихо сказал хан.

«Тут она увидела Алгаллу и слезы на очах своего орла, и умная она была — поняла все.

«— Иду, — сказала она. — Иду. Ни тому, ни другому — так решили? Так и должны решать сильные сердцем. Иду.

«И молча они, все трое, пошли к морю. Узкими тропинками шли, ветер шумел, гулко шумел...

«Нежная она была девушка, скоро устала, но и горда была — не хотела сказать им этого.

«И когда сын хана заметил, что она отстает от них, — сказал он ей:

«— Боишься?

«Она блеснула глазами на него и показала ему окровавленную ногу...

«— Дай понесу тебя! — сказал Алгалла, протягивая к ней руки. Но она обняла шею своего старого орла. Поднял хан ее на свои руки, как перо, и понес, она же, сидя на его руках, отклоняла ветви от его лица, боясь, что они попадут ему в глаза. Долго они шли, и вот уже слышен гул моря вдали. Тут То-

лайк, — он шел сзади их по тропинке, — сказал отцу:

«— Пусти меня вперед, а то я хочу ударить тебя кинжалом в шею.

«— Пройди, — аллах возместит тебе твое желание или простит, — его воля, — я же, отец твой, прощаю тебе. Я знаю, что значит любить.

«И вот оно, море, перед ними, там, внизу, густое, черное и без берегов. Глухо поют его волны у самого низа скалы, и темно там, внизу, и холодно, и страшно.

«— Прощай! — сказал хан, целуя девушку.

«— Прощай! — сказал Алгалла и поклонился ей.

«Она заглянула туда, где пели волны, и отшатнулась назад, прижав руки к груди.

«— Бросьте меня, — сказала она им...

«Простер к ней руки Алгалла и застонал, а хан взял ее в руки свои, прижал к груди крепко, поцеловал и, подняв ее над своей головой, — бросил вниз со скалы.

«Там плескались и пели волны и было так шумно, что оба они не слышали, когда она долетела до воды. Ни крика не слышали, ничего. Хан опустился на камни и

молча стал смотреть вниз, во тьму и даль, где море смешалось с облаками, откуда шумно плыли глухие всплески волн, и ветер пролетал, развевая седую бороду хана. Толайк стоял над ним, закрыв лицо руками, — камень, неподвижный и молчаливый. Время шло, по небу одно за другим плыли облака, гонимые ветром. Темны и тяжелы они были, как думы старого хана, лежавшего над морем на высокой скале.

«— Пойдем, отец, — сказал Толайк.

«— Подожди... — шепнул хан, точно слушая что-то. И опять прошло много времени, плескались волны внизу, а ветер налетал на скалу, шумя деревьями.

«— Пойдем, отец...

«— Подожди еще...

«Не один раз говорил Толайк Алгалла:

«— Пойдем, отец.

«Хан все не шел от места, где потерял радость своих последних дней.

«Но — всё имеет конец! — встал он, могучий и гордый, встал, нахмурил брови и глухо сказал:

«— Идем...

«Пошли они, но скоро остановился хан.

«— А зачем я иду и куда, Толайк? —

спросил он сына. — Зачем мне жить теперь, когда вся моя жизнь в ней была? Стар я, не полюбят уж меня больше, а если никто тебя не любит — неразумно жить на свете.

«Слава и богатство есть у тебя, отец...

«— Дай мне один ее поцелуй и возьми все это себе в награду. Все это мертвое — одна любовь женщины жива. Нет такой любви — нет жизни у человека, нищ он, и жалки дни его. Прощай, мой сын, благословение аллаха над твоей головой да пребудет во все дни и ночи жизни твоей. — И повернулся хан лицом к морю.

«— Отец, — сказал Толайк, — отец!..

И не мог больше сказать ничего, так как ничего нельзя сказать человеку, которому улыбается смерть, ничего не скажешь ему такого, что возвратило бы в душу его любовь к жизни.

«— Пусти меня...

«— Аллах...

«— Он знает...

Быстрыми шагами подошел хан к обрыву и кинулся вниз. Не остановил его сын, не успел. И опять ничего не было

слышно — ни крика, ни шума падения хана. Только волны все плескали там, да ветер гудел дикие песни.

«Долго смотрел вниз Толайк Алгалла и потом вслух сказал:

«— И мне такое же твердое сердце дай, о аллах!

«И потом он пошел во тьму ночи...

«...Так погиб хан Мосолайма эль Асваб и стал в Крыму хан Толайк Алгалла...»

О МЕДВЕДЬ-ГОРЕ

Когда-то давным-давно, в стародавние времена по всему Крымскому побережью жили трудолюбивые люди. Тяжела и сурова была их жизнь, тяжел и мучителен был их непосильный труд. А ко всему этому над несчастными властвовал аллах, злой-презлой, жестокий-прежестокый. Он только то и делал, что сидел на небе да надсматривал, чтобы люди молились ему, чтобы покорными были и не вольнодумствовали, да чтобы исправно в жертву ему приносили быков, овец и всякую живность.

Тяжело было жить, нелегко было трудиться, а жили и трудились. Упорно расчищали люди дремучие леса, освобождали от камней горные склоны, открывали источники, разводили сады, виноградники. Отступили перед человеком лесные дебри, покорились горы. Все лучше, легче и богаче становилась жизнь. И чем больше люди справлялись со своей нуждой, тем больше понимали, что сами они своим трудом улучшают свою жизнь. Люди поверили в себя, в свои силы и перестали покоряться своему божееству.

Узнал аллах о том, что жители побережья больше не признают его, и страшно разгневался. Три дня и три ночи над побережьем клубились черные тучи, гремел гром, бушевало море. Но не испугались люди. Чего им бояться, когда они на своем веку и не такое видели. Разве рыбака не заставляла буря в открытом море? Разве пастуху не приходилось в непогоду бывать в горах? Разве бурные дождевые потоки не смывали поле пахаря? Но человек всегда побеждал. Рыбак на своей утлой лодчонке достигал берега, пастух спасал стадо и себя, а пахарь снова наносил землю на свое поле.

Человек победил и на этот раз. Миновала гроза, выглянуло солнце, успокоилось море. Жизнь пошла своим чередом.

Еще пуще разгневался аллах. Знал он, видать, что власть из его рук уходит.

— Меня не станет, — и жизни на этой земле не будет, — гремел он. — Сотру все в порошок!

Полетел он немедля на север, где лежал Великий медведь, огромными льдами и крепкими цепями скованный. Раздвинул аллах огромные льды, снял с него крепкие цепи и велел плыть в южную страну, чтобы наказать непокорных.

Обрадовался медведь свободе и поплыл по морям и океанам. В том месте, где лежала деревня Форос, приблизился он к крымскому берегу, вышел из глубоких вод и поднялся на сушу, обнаруживая все свое огромное тело. И был он так велик, тяжел и страшен, будто необъятная грозная гора, а густая шерсть на нем была, как дремучий лес, ребра вздымались, как утесы, морская вода сбегала по телу, как горные ручьи и водопады в лесу.

Могучие тяжелые лапы медведя сту-

пили грузно на крымскую землю, и мощная спина его достигла облаков. И поднялись от выхода медведя из воды такие великие волны, что несколько деревень было начисто смыто.

Вышел из воды Великий медведь и двинулся вдоль берега. Своей грузной тяжестью он все разрушал на своем пути. Страшные лапы его раздавливали все, что под них попадало. Острые могучие когти взрывали землю огромными бороздами, оставляя после себя ряды глубоких оврагов и ущелий. Под великим грузом медвежьего тела поползла земля со склонов крымских гор, обнажились, как кости из-под мяса, твердые каменные недра. Но и камень не устоял под небывалым грузом, и рушились с великим громом скалы и целые горы, рассыпая далеко вокруг себя груды осколков.

На том месте, где ныне простирается долина города Ялты, Великий медведь пустил в ход всю свою могучую силу. Он нажимал могучими боками, ударял и напирал тяжкими лапами, разъяренно рыл и ломал неумолимыми когтями. И отодвинулись высокие горы дальше от бере-

га, образовались глубокие долины и широкие котловины там, где прежде стояли высокие холмы и пологие скаты.

Так добрался Великий медведь до того места, где глазам его открылась цветущая и приветливая Партенитская долина, ласкающая взор миловидными холмами, роскошными садами, сочной зеленью лугов, тяжелыми гроздьями виногради-
ников.

Поглядел медведь на красивую долину и увидел, что нет лучшего места в Крыму, а может быть, и на всей земле.

И дрогнуло свирепое сердце медведя. Нет, не станет он больше разрушать этот чудесный край. Он сам останется здесь жить, чтобы вечно любоваться прекрасной природой, дышать горным воздухом, купаться в теплых водах Черного моря. Он не желает больше возвращаться на север, где его ждет неволя в ледовом логове.

Зевнул медведь пересохшей пастью так, что горы задрожали, и сполз к морю, воды напиться. Опустился он на колени, погрузил в голубую влагу свою страшную пасть и стал долго и жадно пить. Грозно бурлило море у жаждущей пасти,

высокие волны ходили по всему побережью от тяжелого дыхания зверя.

Увидел аллах, что не слушается его больше медведь, и понял, что пришел ему конец, что человек победил.

— Оставайся же навеки на этом месте! — произнес он свое последнее заклинание.

И стали каменеть огромные члены медведя. Могучие бока превратились в страшные отвесные пропасти, высокая спина стала округлой вершиной горы, медвежья его голова над морской пучиной сделалась острой скалой, густая шерсть обратилась в непроходимую дубовую чашу.

Великий медведь стал Медведь-горой. Только Черное море продолжало бурлить около пасти медведя, как будто он все еще продолжал пить воду.

Прошло много веков. Вблизи новой горы появились деревни. Только все они держались поодаль, словно боялись окаменевшего медведя. А вдруг тот проснется и снова ползет по берегу, сокрушая все на своем пути?

Но вот в Крым пришли мальчики и девочки с красными повязками на шеях.

Не страшась старого медведя, они построили неподалеку от него свой лагерь. Эти мальчики и девочки — пионеры. Им нечего бояться Великого медведя. Ведь они прекрасно знают, что все рассказанное об этой горе — легенда. А придумали легенду люди потому, что гора своими очертаниями похожа на медведя.

КАК ВОЗНИКЛА ЯЛТА

В далекие времена из Константинополя, столицы Византийской империи, отправилось несколько кораблей на поиски новых плодородных земель. Нелегким было плавание, потому что штормами и бурями встретил мореплавателей Понт Эвксинский — Черное море. Но не стало людям легче и тогда, когда утихла буря. На волны опустился густой туман, он закрыл и горизонт и море.

Много дней блуждали в неизвестности моряки. На судах уже кончилась пресная вода и пища. Люди, ослабевшие и

утомленные, пали духом и покорно ждали гибели.

Но однажды ранним утром подул легкий спасительный ветерок. Молочная пелена тумана заколебалась и медленно начала расплываться. Сверкающие солнечные лучи ударили в глаза людям, и совсем неподалеку они увидели зелено-лиловые горы.

— Ялос! Ялос! Берег! Берег! — закричал дозорный.

То была прекрасная Таврида, сказочная страна, где не бывает зимы, где воздух, наполненный морской влагой и ароматом трав, легок и целебен, где зреет чудесный виноград и благоухают розы.

Уставшие путешественники воспрянули духом, налегли на весла и направили свои корабли к манящему берегу.

На благодатной земле по соседству с местными жителями они основали свое поселение, которое и называли столь дорогим для себя и долгожданным словом «ялос», что означает по-гречески — берег.

С тех пор, говорят, город и называется Ялтой.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ С СОКОЛИНОЙ СКАЛЫ

Встретились два соседа: бедный и богатый.

— Чего ты такой грустный? — спросил богатый бедного.

— А что веселиться, когда у меня счастья нет, — отвечает тот. — Говорят, есть оно на свете, да, наверное, не для нас, бедняков. Вон посмотри, как богачи живут! Сады и виноградники у них в долинах, земля там хорошая, воды много, урожай большой. А у меня одни камни. Кроме колючего кустарника, ничего не родит. Дети редко когда хлеб видят. Эх,

нет у меня счастья, чего и спрашивать!

— Счастье — это богатство! — назидательно сказал богатый. — А богатство добывать надо, оно само не придет.

— Тебе хорошо говорить — добывать. Ты вон как торговлей разбогател! Все людей обмериваешь да обвешиваешь, всячески обманываешь. По-твоему, так надо счастье добывать? Это не счастье, а бесчестье!

— Ишь, какой честный нашелся, — обиделся купец. — Тогда живи как знаешь, и нечего тебе плакаться на свою судьбу... А то иди вон на Соколиную скалу. Там, говорят, в глубокой пещере Птица Счастья обитает. Вот и лови ее за хвост, она честных любит, — с издевкой закончил богач и зашагал прочь.

Призадумался бедняк. А может, и вправду Птицу Счастья поискать? Видать, есть она, если про нее так много говорят. Он и раньше слышал о Птице Счастья с Соколиной скалы. Многие ходили искать ее, да не нашли. Одни возвращались такими же несчастными, как и были, а другие пропадали без вести. Говорят, что Птицу Счастья может пой-

мать только самый честный и справедливый человек.

Взял бедняк длинную веревку, мешок да крепкую палку и полез на Соколиную скалу. Ох и трудно было взбираться! Камни преграждали путь, держидерево не пускало, колючки в тело впивались. Два шага подыметя — четыре назад ползет. Но разве в диковинку бедняку по горам лазить? Не сдался он, не отступил перед трудностями. Где за ветку ухватится, где палкой зацепится, где ползком, — так и добрался на самую вершину Соколиной скалы.

А вот и пещера. Наверное, в ней Птица Счастья прячется. Обвязался смельчак веревкой, укрепил конец ее за выступ скалы и полез в пещеру. Темно, сыро, страшно. «Возвращайся, пока не поздно», — шепчет ему кто-то невидимый. Но бедняк не слушает и ползет дальше. Вскоре он нащупал в темноте отверстие какого-то колодца и начал спускаться вниз.

Долго он спускался, может, день, а может быть, и два. Уже силы на исходе, уже руки веревку не держат, а дна все нет и нет. И когда бедняк готов был уже рас-

прощаться с жизнью, внизу замерцал свет.

— Птица Счастья, — беззвучно прошептал он и выпустил веревку.

Очнулся бедняк в чудесном гроте, освещенном ярким светом. Вокруг лежали груды золотых слитков, стояли открытые сундуки с драгоценными камнями, монетами, всевозможными украшениями. А на большом камне, словно на троне, сидела сияющая жар-птица.

Поднялся бедняк на ноги, посмотрел на несметные богатства, лежащие здесь. Но не стал он брать ни золота, ни драгоценных камней, ни денег, потому что богатство — это еще не счастье. Прикрыв шапкой глаза от слепящего света, он смело подошел к птице. И она не убежала от храбреца. Взял он ее осторожно, завернул в мешок и двинулся в обратный путь.

Измученный, весь ободранный, но счастливый возвратился бедняк домой.

— И где ты пропадаешь, несчастный бродяга, — набросилась на него жена. — Совести у тебя нет — бросил голодную семью и ушел бог весть куда!

— Не кричи на меня, жена, — отве-

тил бедняк. — Есть у меня совесть, а теперь будет и счастье. Вот посмотри, что я принес.

Он развернул мешок, и вся хижина озарилась ярким светом.

— Что это? — вскрикнула от удивления жена.

— Это Птица Счастья!!!

Смастерил бедняк клетку, посадил туда Птицу и стал счастья дожидаться. Прошел день, другой. Хлеб кончился, похлебки не с чего сварить, дети плачут.

— Ну, где же твое счастье? — упрекает жена. — Лучше продай ты эту красивую птичку. Деньги будут—счастье будет.

— Да пойми ты, бестолковая, что птицу продавать нельзя, потому что счастье не продается и не покупается. Птица обязательно принесет нам в дом счастье, если мы будем честными, справедливыми, если никого не обманем, никого не обидим.

— Сам ты бестолковый! — закричала в ответ жена. — Детям есть нечего, а он мне тут красивые слова говорит о честности да справедливости! Неси сейчас же птицу в Бахчисарай и продай ее хану. У того много денег, а игрушки такие ему нужны.

Что оставалось делать бедняку? Завернул он в мешок клетку со своим счастьем и пошел в Бахчисарай, чтобы продать его, да продать подороже.

Приходит к воротам дворца, просится к хану.

— А кто ты такой и что тебе надобно? — кричат стражники.

— Птицу Счастья принес, — коротко ответил бедняк.

Ввели его в богатые покои. На подушках хан сидит, а вокруг него знатные вельможи в почтительном поклоне согнулись.

— Ты и вправду мне Птицу Счастья принес или шутики шутить вздумал? — грозно спросил хан. — Смотри, как бы тебе головой поплатиться не пришлось.

Вместо ответа бедняк снял мешок с клетки, и словно молния сверкнула в ханских покоях. В страхе попадали на пол вельможи, а хан подушками закрылся и кричит:

— Прячь ее быстрее, а то она мой дворец сожжет!

Накрыл бедняк мешком клетку, поднялись с пола вельможи, вылез из-под подушек хан.

— Ты сам Птицу Счастья отыскал?

— Сам.

— Молодец! Я беру ее у тебя, и ты получишь великую награду.

Отдал бедняк свое счастье, добытое с таким трудом. И хан не забыл своего обещания. Щедро наградил он бедняка: велел снять ему голову с плеч, чтобы другим беднякам неповадно было счастье искать.

ПОЧЕМУ ЧЕРНОЕ МОРЕ БУРЛИВОЕ

Давно это было, кто знает, когда все это было...

Жил на земле сказочный богатырь, силы неслыханной, смелости невиданной. Имел он оружие удивительное — волшебную золотую стрелу. Но не тем стрела славилась, что была из чистого золота выкована, драгоценными камнями украшена, а тем, что обладала чудесным свойством. Стоило богатырю взять свой лук, натянуть тугую тетиву, — и летела стрела на край света с такой быстротой, что человеческий глаз не замечал полета ее.

И там, где она проносилась, вспыхивал воздух, закипала вода, плавилась земля, гибло все живое.

Страшное это было оружие, ой, какое страшное! Ни пером не опишешь, ни в сказке не расскажешь. К счастью, находилось оно в надежных руках. Богатырь был человеком честным, справедливым и огненную стрелу без надобности в руки не брал. На другие страны он не покушался, а на его отечество враги не нападали — боялись.

Боялись и в то же время мечтали завладеть этим смертоносным оружием, чтобы чужие земли покорить. Но не тут-то было! Крепко берег волшебную стрелу богатырь, спрятав ее глубоко в подземелье за десятью пудовыми замками.

Много-много лет жил на земле богатырь и много лет неусыпно хранил чудодейственную стрелу. Но вот пришло время расстаться ему с жизнью. Задумался богатырь: кому передать стрелу? Сыновьям-наследникам? Нельзя. Хотя они воины честные и смелые, но молоды и больно уж горячи. Не удержаться им от соблазна испробовать силу оружия, —

и вспыхнет тогда братоубийственная война.

Кому же еще? Есть ли на земле человек, достаточно сильный и благоразумный, которому можно было бы доверить стрелу, не опасаясь, что он использует ее во зло человечеству? Нет такого человека, не родился еще! Нельзя оставлять на земле огненную стрелу, ибо злые, алчные люди, завладев таким страшным оружием, могут поджечь весь мир, разрушить его до основания.

И решил богатырь спрятать волшебную стрелу, да так, чтобы ее никто не смог отыскать на протяжении тысячелетий. И лишь тогда, когда люди, наконец, устанут воевать, когда научатся ценить и беречь мир, — тогда они найдут стрелу, чтобы использовать ее чудодейственную силу в мирном труде.

Позвал богатырь сыновей своих и говорит им:

— Дети мои, я стар и тяжело болен. Недолго осталось жить мне на свете. Слушайте же мое последнее повеление: откройте подземелье вот этими ключами, возьмите золотую стрелу, о страшной силе которой вы слыхали, и бросьте ее

посредине Черного моря, самого глубокого моря в мире.

Повинуясь требованию умирающего отца, воины взяли волшебную стрелу и той же ночью отправились в путь.

Долго шли они, коротко ли, только вот впереди показались синие горы. Своими высокими вершинами они подпирали голубое прозрачное, будто из хрусталя, небо. Взобрались братья на синие горы, поднялись к голубому небу, и взорам их открылась величественная картина: далеко-далеко внизу простиралось огромное, безбрежное море. Окутанное утренней розоватой дымкой, оно еще спало. В его тихих водах отражался красный шар поднимающегося солнца.

Это было Черное море.

И вдруг братья почувствовали, что жаль им расставаться с драгоценной стрелой, и честолюбивые мечты овладели ими.

— Послушай, брат, — осторожно начал младший, — зачем выбрасывать такое богатство в море? Ведь это наследство наше...

— Да, — подхватил старший, — волшебная стрела по праву должна принад-

лежать нам, и глупо было бы так просто отказаться от нее...

— А если бы мы обладали огненной стрелой, — продолжал младший брат, — мы завоевали бы эту красивую страну, построили бы на вершине этой горы большой замок, взяли бы себе в жены прекраснейших из прекрасных...

— Да что одну страну! — воскликнул старший брат. — Мы покорили бы все страны, которые мы знаем и которых еще не знаем. Мы имели бы много жен, нам безропотно подчинялись бы все. Мы стали бы властелинами мира...

И договорились братья, что спрячут они стрелу в горах, а отцу, если тот к их возвращению не умрет, скажут, что исполнили его волю.

Как договорились, так и сделали. Оставили они чудодейственную стрелу в пещере, привалили вход огромным камнем и отправились в обратный путь.

Каково же было их удивление, когда, возвратившись домой, они узнали, что отец каким-то образом раскрыл их замыслы. С негодованием набросился старик на своих сыновей, обвиняя их в родительском непослушании.

— Я не умру до тех пор, — пригрозил он, — пока чудодейственная стрела не ляжет на дно Черного моря.

Тогда сыновья, убедившись в том, что невозможно сохранить у себя волшебное оружие, снова отправились к берегам далекого моря и с грустью исполнили приказание отца.

Огненная стрела опустилась в бездну морскую. Потемнело от гнева море, закипели, заволновались его тихие воды.

И с тех пор не может успокоиться Черное море. Нет-нет, да и снова забуллит оно, заклокочет, подымет громадные волны, тщетно пытаясь выбросить из недр своих смертоносное оружие.

ОРЛИНЫЙ ЗАЛЕТ

Гордо поднимаются высокие горы, свои вершины высоко подняли, словно им нет охоты глядеть вниз.

А внизу хорошо!

Торопливо бежит чистая веселая вода реки Бельбек... А что ей не веселиться? Ее нельзя ударить, плюнуть ей в лицо, отнять у нее детей, дом, жизнь. Нельзя остановить, нет на нее князя-злодея, нет плетки. Сама себе хозяйка! Сама может в гневе наказать любого князя, даже самого сильного. Весело ей глядеть, как тучный князь прыгает на одной ноге, ста-

раясь быстро вскочить на коня и убежать, когда она разольет свои воды широко по долине. Куда и спесь девается! Становится жалким. Трус. Только о себе в ту пору и думает.

Внизу хорошо!

По берегам сады. Тропки лесные. И чего только не дает земля людям, — и не пересказать. Весело глядят на человека и круглые яблоки с красными щечками, и прячущиеся в зелени кустов груши, и украшение земли—темные вишни. Весело!..

А что же люди не радуются? Люди, что под властью князя живут, много сил отдали, чтобы вырастить все это веселое великолепие, а в рот взять ни себе, ни детям нельзя: все княжеское. Только труд — людской. Кому жаловаться, у кого защиты просить?

Молчат горы...

Молчит река...

Молчат люди...

Не молчит только князь Туган-бей. Только и слышно:

— Что мало сделали?

— Что мало собрали?

— Я вас, лодыри...

— Я вам, собачьи уши...

— Вы мне, ишачьи дети...

Словно в человеческой речи и слов других нет.

Но пришло время. Горы в гневе тряслись, обрушивая в долины потоки камней. Угрюмо ворчал лес, шумя вершинами сосен. Гневно бормотала неведомые слова река.

Не понимали люди, о чем они говорят, на кого гnevаются. Стали люди вслушиваться, о чем говорят камни, о чем шумит лес, что бормочет река. Не вдруг поняли. А когда поняли, гнев пришел в их сердца. Посветлели лица, прояснились глаза. Но страшно еще было показать свой гнев и радость.

А горы говорили:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Смотрите, как он бежит прочь, когда я в гневе сыплю на него камни. Их много, а он один...

Лес шумел:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Смотрите, как он бежит прочь, когда я в гневе обрушиваю на него стволы своих деревьев. Их много, а он один.

Речка бормотала:

— Эх, вы! Вас много, а он один. Слепые вы, что ли, не видите, как он трусливо бежит, когда в гневе я обрушиваю на него струи вод своих. Их много, а он один.

Горы любили людей. Их ласковые руки умело подбирали каменные россыпи, укладывая в стены домов-лачуг. Сколько прекрасных песен слышали камни, укрывая людей от стужи, ветра, дождей. Какие ласковые слова слышали камни из уст матерей, сколько влюбленных пряталось в тени каменных стен!

Но сколько горькой обиды слышали камни, сколько безутешных слез падало на камни. И великий гнев за человека подымался до самых вершин каменных. Горы снова и снова говорили людям:

— Вас много, а он один...

Лес любил людей. Их умелые руки из теплой древесины делали много чудесных вещей. Люльку, в которой нежилась дитя, осторожно раскачивали бережные материнские руки, и дереву становилось весело. Тонкое веретено кружилось в девичьих руках, и нитка послушно обвивала дерево, и от этого весело было ему. Круглое колесо мельницы собирали из

отдельных дощечек. Вот уж когда весело было!

Но сколько проклятий слышал лес, когда палку лесную брал в руки Туган-бей. Палочные удары сыпались на плечи людей. Горько было лесу. Не для этого растил деревца лес, не для обиды людской, а на радость им. И гневно шумели высокие сосны людям:

— Вас много, а он один.

Река любила людей. Разве не она поила их, разве не она обмывала грязные ручонки детей? Разве не она давала людям прохладу в зной? Разве не она поила садь, разве не она белила холсты?

Да разве этого люди не видели? Что же они в гнев не войдут, как она, что же они не обрушат гнев на голову Туган-бея? Разве мало видела река горя людского? Разве не старалась она приласкать их, обмывая их тела после трудной работы? Разве не шептала она им:

— Вас много, а он один...

И все лучше понимали люди, о чем говорят горы, лес, река. И все светлее лица и яснее глаза становились у людей. И все крепче сжимались губы, чтобы не выдать радости:

— Нас много, а он один...

Все поняли, но не все знали, что делать дальше. Еще страшно было видеть Туган-бея. Еще трудно было решиться обрушить свой гнев на него.

Но сильные духом люди всегда были на земле. Были они и на земле Туган-бея. И это не только храбрые юноши. Подымался великий гнев в кротких сердцах девушек. Разве не их обливал грязью похотливый взгляд Туган-бея? Разве не их тащили цепкие руки Туган-бея в свои ковровые покои? Разве не они кидались в тихие омуты реки, ища покоя на дне речном? Разве не они кидались головой вниз с высоких гор? Разве не их Туган-бей лишал простых человеческих радостей?

Поняли храбрецы, о чем грохотали горы, шумел лес, бормотала река, и задумали убить князя.

Но земля родит не только цветы, а и крапиву, чтобы люди остерегались. Родит не только сладкие вишни, но и ядовитый сумах, чтобы люди береглись. Родит не только душистую, сладкую траву, но и подлый бурьян-сорняк, чтобы люди чистили землю, холили ее.

Забыл человек об этом — земля напоминает.

Жили в деревне чистые сердцем люди, украшение земли, но был и бурьян-сорняк. В три погибели сгибались перед Туган-беем. Руку, бившую их по лицу, лизали. Подмечали. Подслушивали. Присматривались. Доносили. Оглядываясь, захлебываясь от злой радости, шепотом рассказывали князю, что задумали храбрецы убить его, князя.

Затрясся от страха Туган-бей: один он, а их много. Ночью, как вор, никому не доверяя, поскакал в Бахчисарай просить у хана помощи.

И дал хан воинов. Примчались, как волки зимой. Бешено рубили в деревне и старого и малого. Пьяные от крови, не щадили никого. В горы ушла горсточка уцелевших юношей и девушек, доверив свои жизни камням и лесу.

Но подлость за ними по тропкам шла, грязной рукой путь воинам показывала. Вот-вот настигнет девушек.

И тогда решили: не позволят себя схватить. Лучше с родных камней вниз головой браться.

Горы пожалели их, помогли. Только

ринулись девушки вниз, как почувствовали: не падают, а легко кружат над пропастями, крылья сильные у них, сердце крепкое, дух гордый. Орлицами стали, клекотом орлиным друг друга сзывали.

А юноши поднимались все выше, выше Круче становилась тропа, меньше становилось сил. И поняли — не уйти. С тоской смотрели в небо, где плавными кругами летали большие сильные птицы. В небо крикнули:

— Помогите!

Камнем вниз падали орлицы-девушки, в глаза юношам глядели с тоской, а речи нет.

Пожалели горы юношей. Силу почувствовав небывалую, взмыли юноши на могучих крыльях. Орлы!

Никто теперь не достигнет, никто не унизит, никто не отнимет радости.

В страхе кинулись воины к Туган-бею, — а над ними стая орлиная. Свист могучих крыльев резал воздух. Мечь пришла неумолимая. От нее не уйдешь.

Заклевали насмерть Туган-бея. А птицы остались тут. Гордые, смелые, недосыгаемые. В горах приветных строили гнезда, растили детей — племя орлиное.

С тех пор передавали люди друг другу рассказ о том, как расправились храбрыцы с Туган-беем. С уважением глядели на высокие горы, учились. Время придет, почка учения даст цвет, потом плод.

Стала земля чистой, река веселой, лес ласковым, горы спокойными. Свободная земля! И только орлы напоминают людям о темном прошлом...

И слышат люди в клекоте орлином:

— Помните, люди! Вас много, вас много... Бейтесь за счастье детей ваших.

— Нет большего счастья, чем свобода, нет большей радости, чем борьба!

— Вас много, вас много, люди!

Шумел лес, бормотала река, мудро смотрели горы. Они любили свободных людей. Они гордились ими...

ГИКИЯ — ГЕРОИНЯ ХЕРСОНЕСА

Было время, когда цветущим, многолюдным Херсонесом управлял первый архонт Ламах. Был он очень богат, имел много золота и серебра, скота и земли. Дом его — большое квадратное здание — выходил на несколько улиц. В городской стене Ламах имел даже отдельные ворота, чтобы его стада, возвращаясь с пастбищ, не шли через город, а попадали прямо в загоны, примыкавшие к дому.

Гикия была единственной дочерью Ламаха. Среди девушек города она выделялась красотой и умом. Как и тая херсо-

неситка Гикия горячо любила свой знаменитый город, раскинувшийся на берегу беспокойного Понта, и мечтала сделать для него что-нибудь выдающееся.

В те времена соседним Боспорским царством правил царь Асандр. Не давали ему покоя богатства Херсонеса. Пытался он силой захватить город, да потерпел поражение. Тогда решил Асандр хитростью овладеть городом. Знал он, что у Ламаха есть дочь, и предложил своего сына ей в мужья. Надеялся он, что после смерти Ламаха власть над Херсонесом перейдет к роду первого архонта и от Гикии попадет в руки его сына. Царь посвятил сына в свой замысел, и тот согласился действовать так, как задумал отец.

Херсонеситы разрешили Ламаху брак Гикии с сыном Асандра, но при условии: муж Гикии никогда не должен покидать Херсонес, даже для свидания с отцом. Если он посмеет это сделать, будет казнен. Боспорцы приняли это условие, и сын Асандра, приехав в Херсонес, женился на Гикии.

Пламенно и искренне полюбила Гикия своего мужа. Он казался скромным чело-

веком, преданным гражданином Херсонеса, не скупящимся на добрые дела.

Через два года умер Ламах. На совете именитых граждан было решено поставить во главе управления городом не сына Асандра, зятя Ламаха, а другого видного херсонесита, Зифа, сына Зифова.

Рухнули планы мужа Гикий. Но он не отказался от своей мечты и лишь ждал удобного случая, чтобы осуществить свой замысел.

В первую годовщину смерти отца Гикий пожелала почтить его память и с разрешения совета города устроила поминки. Она пригласила к себе многих граждан города и раздавала им вино, хлеб, масло, мясо, рыбу — все, чем полны были кладовые ее обширного дома. Все благодарили Гикийю за хорошее сердце.

Городские власти разрешили Гикий так отмечать ежегодно годовщину смерти отца.

Одно из таких празднеств и решил использовать муж Гикий для выполнения своего коварного плана. Он послал преданного раба в Пантикапей к отцу с известием, что нашел путь завладеть Херсонесом.

Отец стал присылать сыну морем через определенные промежутки времени по десять-двенадцать отважных юношей, кроме гребцов, как бы для того, чтобы доставить ему и Гикий подарки. Лодки боспорян входили в бухту Символов. Сын Асандра посылал туда лошадей, на которых привозил и подарки и боспорских юношей. Через несколько дней гости должны были уезжать к лодкам. Их отъезд муж Гикий приурочивал к позднему вечеру, когда совсем стемнеет. Отойдя на некоторое расстояние от города, боспорцы сворачивали с дороги и, достигнув берега, на лодках возвращались к тропам, по которым шли стада Ламаха, к его отдельным воротам в городской стене Херсонеса. Тут их снова впускали в город и прятали в подвалах дома Гикий. А гребцы в лодках в это время отчаливали из бухты и уходили в сторону Боспора, создавая видимость, что никто в Херсонесе не остался.

Сын Асандра посвятил в заговор трех рабов, вывезенных из Боспора. Один из них, якобы проводив боспорских юношей до бухты, возвращался в Херсонес и заявлял городской страже, что все уехали;

другой провожал боспорян до берега и усаживал в лодки; третий провожал до ворот в городской стене и вводил в дом Ламаха. Эти же рабы доставляли спрятанным пищу и воду.

Все это делалось скрытно. Сама Гикия не подозревала, что творится у нее в доме.

Боспорский царевич избрал третью годовщину смерти Ламаха для выполнения своего замысла. За два года он тайно собрал около 200 боспорских воинов. Сын Асандра рассчитывал, что в день памяти архонта все херсонеситы будут допоздна веселиться и изрядно опьянеют. Когда они улягутся спать, он выведет спрятанных заговорщиков и совершит свое злое дело. Флот его отца к этому времени был готов к нападению на Херсонес.

Случайное происшествие раскрыло заговор.

Одна из любимых служанок Гикий провинилась перед ней и в наказание была заперта в комнате, находившейся над подвалом, где были собраны боспорские воины. Служанка в одиночестве пряла лен и нечаянно уронила пряслице, которое покатилося к стене и попало в глубокую

щель. Чтобы достать его, девушка подняла кирпич пола и сквозь отверстие заметила в подземелье вооруженных людей.

Осторожно опустив кирпич на место, служанка позвала одну из своих подружек и послала к госпоже, прося прийти к ней, так как она хочет сообщить что-то важное. Гикия пришла, к счастью, не взяв с собой никого из домашних. Служанка пала к ее ногам и рассказала все.

Гикия сразу поняла, что замышляется в ее доме. Она превыше всего ставила интересы своего народа, поэтому, ни минуты не колеблясь, приняла решение уничтожить врагов, в том числе и своего мужа, который оказался изменником.

Двум своим родственникам Гикия поручила собрать лучших людей города. Одно условие поставила она. Они должны были поклясться, что за ее сообщение, если его признают важным, она будет похоронена в черте города.

Собравшиеся горожане поклялись исполнить это условие. Тогда удовлетворенная Гикия сказала:

— Я открою вам тайну. Мой муж, от отца своего унаследовавший ненависть к нашему городу, тайно привел в дом мно-

го вооруженных боспорян. Как я догадываюсь, они намереваются в день памяти моего отца напасть на нас, сжечь дома и всех истребить.

Херсонеситы слушали Гикию, затаив дыхание и оцепенев от ужаса.

— Скоро подойдет этот день, — продолжала Гикия. — Он должен быть проведен, как обычно. Вы получите все, чем я обещала угощать вас. Приходите в мой дом и веселитесь, чтобы враги ничего не заподозрили. Все, что вы будете получать, употребляйте умеренно, поминайте моего отца, пляшите на улицах, однако об опасности не забывайте. Дома у каждого должны быть припасены хворост и факелы. И когда я знаком покажу, что надо кончать пир, вы спокойно разойдетесь по домам. Я раньше обыкновенного велю закрыть ворота. А вы тотчас высылайте слуг с хворостом и факелами, пусть они обкладывают весь мой дом, все ходы и выходы. Чтобы дерево быстрей загоралось, велите обливаться его маслом. Тогда я выйду, и вы зажжете хворост, а затем окружите дом и будете следить, чтобы из него никто не ушел живым. Теперь идите и приготовьте все,

о чем я говорила. И не забывайте о своей клятве.

Как было условлено, в день памяти Ла-маха население города целый день веселилось на улицах. Гикия щедро раздавала вино на пиру в своем доме, часто угощала своего мужа, сама же воздерживалась, как и ее рабыни: она приказывала наливать себе воду в чашу пурпурного цвета, где вода казалась вином.

Когда наступил вечер и граждане, как бы утомясь, разошлись по домам, Гикия стала звать мужа отдыхать. Он охотно согласился, так как со своей стороны старался не возбудить в ней никаких подозрений. Она велела закрыть ворота и все выходы и принести ей, как обычно, ключи. И тотчас тайно приказала надежным служанкам выносить из дома одежду, золото, различные драгоценности.

Дождавшись, пока все в доме успокоилось, и видя, что уснул опьяневший муж, Гикия вышла из спальни и заперла за собой дверь, позвала служанок и вместе с ними оставила двор. На улице она сказала, чтобы подожгли дом со всех сторон.

Огонь быстро охватил все здание. Боспорские воины пытались спастись, но их

тут же убивали. Они все до единого были истреблены. Вот так Гикия избавила родной город Херсонес от смертельной опасности, грозившей со стороны Боспорского царства.

Благодарные граждане вскоре поставили в честь Гикии на главной площади две статуи. Одна изображала ее сообщающей о заговоре мужа, другая — вооруженной, мстящей заговорщикам. На постаментах были высечены надписи, гласившие, что сделала Гикия для города.

Когда Гикия напомнила про обещание похоронить ее в черте города и попросила повторить клятву, среди правителей раздалось возражения: некрополь у херсонеситов был далеко вне стен города. Вблизи своих жилищ они никого не хоронили. Горожане предложили вместо этого восстановить уничтоженный дом Гикии за счет общественных средств. Гикия не уступала и настояла на своем: ей снова пообещали, что ее желание будет выполнено.

Через несколько лет мудрая Гикия задумала испытать, будут ли граждане верны своей клятве. Она сговорилась со своими рабынями, чтобы те разнесли по городу слух о внезапной кончине их госпожи,

Печаль охватила население Херсонеса. Народ толпился у дома всеми любимой героини. Ее рабыни и близкие приготовляли тело «умершей» Гикии к похоронному обряду.

Старейшины после совещания все же не решились, несмотря на клятву, нарушить древний обычай греков и постановили вынести Гикию за город и там похоронить.

Когда похоронная процессия остановилась у раскрытой могилы, Гикия поднялась из саркофага и стала горько упрекать граждан в обмане и нарушении клятвы.

Пристыженные старейшины в третий раз поклялись исполнить ее желание. Еще при жизни Гикии ей позволили избрать внутри города место для погребения и отметили его медным позолоченным бюстом.

И тот, кто хотел испытать чувство восхищения прекрасным, всякий раз смахивал пыль с памятника Гикии и читал на нем надпись о смелом ее подвиге.

ТАК БЫЛ ОСНОВАН БАХЧИСАРАЙ

Однажды сын хана Менгли Гирея поехал на охоту. Он спустился из крепости в долину. Сразу же за крепостными стенами начинались дремучие леса, полные дичи. Для охоты выдался удачный день, гончими и борзыми затравили много лисиц, зайцев и даже трех диких козлов.

Захотелось ханскому сыну побыть одному. Отправил он слуг с добычей в крепость, сам забрался в чашу, спрыгнул с коня и присел на пне у реки Чурук-су. Верхушки деревьев, позолоченные захо-

дящим солнцем, отражались в воде. Только шум реки, бежавшей по камням, нарушал тишину.

Вдруг на противоположном берегу послышался шорох. Из прибрежного кустарника быстро выползала змея. Ее преследовала другая. Завязалась смертельная схватка. Обвив одна другую, змеи острыми зубами рвали друг у друга куски тела. Долго длилась схватка. Одна змея, вся искусанная, обессиленная, перестала сопротивляться и безжизненно опустила голову. А из чащи по густой траве спешила к месту боя третья змея. Она накинулась на победительницу — и началось новое кровавое побоище. Кольца змеиных тел мелькали в траве, освещаемые солнцем. Невозможно было уследить, где одна змея, где другая. В азарте борьбы змеи отползли от берега и скрылись за стеной кустарника. Оттуда доносилось злобное шипение и треск веток.

Сын хана не спускал глаз с побежденной змеи. Он думал о своем отце, о своем роде. Они сейчас подобны этой полумертвой змее. Вот такие же искусанные убежали в крепость, сидят в ней, дрожа

за жизнь. Где-то идет битва, а кто кого в ней одолеет: золотоордынцы — турок или турки — золотоордынцев? А ему и отцу его, Менгли-Гирею, уже не подняться, как этой змее...

Прошло некоторое время. Молодой хан заметил, что змея шевелится, силится поднять голову. С трудом ей это удалось. Медленно поползла она к воде. Напрягши остаток сил, приблизилась к реке и погрузилась в нее. Извиваясь все быстрее и быстрее, полуживая змея приобретала гибкость в движениях. Когда она выползла на берег, на ней даже следов от ран не осталось. Затем змея снова окунулась в воду, быстро переплыла реку и недалеко от изумленного человека скрылась в кустах.

Возликовал сын Менгли-Гирея. Это счастливый знак! Им суждено подняться! Они еще оживут, как эта змея...

Он вскочил на коня и помчался в крепость. Рассказал отцу о том, что видел у реки.

Они стали ждать известий с поля битвы. И пришла долгожданная весть: Османская Порта одолела ордынского хана Ахмеда, который когда-то истребил

всех воинов Гирея, а его самого загнал в крепость на крутой скале.

На том месте, где схватились в смертельной битве две змеи, старый хан велел построить дворец. Около дворца поселились его приближенные. Так возник Бахчисарай. Двух перевившихся в схватке змей хан велел высечь на дворцовом гербе. Надо было бы трех: двух в борьбе, а третью — полумертвую. Но третью не стали высекать: мудрым был хан Менгли-Гирей.

ДЖАНЫКЕ ИЗ КЫРК-ОРА

Вот смотри, крепкие стены Кырк-ора, ух какие крепкие. Если ты вот так даже руки разведешь, стену все равно не обнимешь. Толстые стены, крепкая крепость. И ворота железные, и замки, наверное, каждый с пуд. А за стенами кто жил, знаешь?

Тохтамыш-хан. Что сказать о нем? Тохтамыш-хан — это мало сказать! Какой был хан? Не хотят глаза смотреть, такой страшный был. У него — люди говорили — тело шерстью поросло, он был рыжий, голова у него была, как у бара-

на, зрачки у него поперек глаз стояли. Таких глаз у человека не бывает!

Он никогда не кричал, Тохтамыш-хан, но люди даже шепота его боялись. Богат был Тохтамыш. А где ты видел бедного хана? Всего в досталь у него. В каменных пещерах стояли сундуки, богатые сундуки с большими замками. Но, женщина, лучше не открывай ты крышки этих сундуков. Если откроешь, глупая, ты подумаешь, что солнце украли и спрятали в сундук, посмотришь и ослепнешь. Это не солнце, это богатые одежды с камнями драгоценными, золото нашито на одежды. Только ты их руками не трогай, не надо, пусть лежат. Липкие они, потому что богатство Тохтамыш-хана по рекам крови пришло, пришло и легло в сундуки. Стерегут эти сундуки каменные пещеры, каменные стены и каменное сердце Тохтамыш-хана.

Никого не любил Тохтамыш-хан. А какой хан кого любит?

Была у него в гареме девушка, звали ее Джаныке. И вправду, она была джаныке — душевная. Добрая была, ласковая, как ребенок, как мать всем ласковая.

Красивая была Джаныке. Только в

груди у Джаныке какая-то птица всегда уютилась. Так думала Джаныке. Не знала, глупенькая, что в груди у нее большой недуг, болезнь страшная. Отца, матери у нее не было. Тохтамыш купил ее в Бахчисарае, внизу. Купил девочку и спрятал, как голубя в клетку, и растил для себя в своем гареме, а чтобы люди не говорили плохого, дочь звал.

Все боялись Тохтамыша, и маленькая Джаныке боялась. Придет в гарем Тохтамыш, спросит, как живешь? Живу, говорит Джаныке. Большую рыжую руку положит на ее голову, и казалось Джаныке, что голова отвалится.

Всего много у Тохтамыша, но самое главное сокровище — Джаныке.

Однажды пришла беда на Тохтамыша. Крепость Кырк-ор окружили враги, с двух сторон шли. Большое войско. Они били в даул, они кричали, они уже радовались. Знали враги: в крепости воды нет, а без воды как жить будешь? Знали враги, что им не нужно головами в камни стучать. Подождем, говорили, у нас времени много, вода у нас, хлеб у нас, а Тохтамыш-хан, когда заставим, он сам свои железные ворота откроет, он сам

на шелковой подушке ключи вынесет и попросит: примите, все ваше. Так говорили враги. А за стеной Тохтамыш-хан ходил, как дикий зверь, злой, страшный.

Нет воды, а дни идут, а птица Клафт ни разу свои крылья не раскрыла над Кырк-ором. И люди скоро стали падать, как падают осенние листья. Каменное сердце было у Тохтамыша. Он боялся за свои сокровища, а людей не жалел. Он заставлял их бросать камни вниз на врагов и злобно говорил своим людям:

— Думаете, я своими руками открою ворота? Если у меня камней не хватит, я ворота вашими головами забросаю.

Люди сначала боялись, а потом уже ничего не чувствовали, им было все равно. Без воды разве будешь жить?

И стало тихо в крепости Кырк-ор, никто не пел песен. У матерей из груди не только молока — крови не выдавишь, и падали быстрее всех маленькие дети. Как было их жалко! А воды все нет.

Джаныке в гареме дивилась: почему так тихо в Кырк-оре, почему никто ничего не говорит, почему даже собаки не лают? А няньки в ответ только плечами пожимали; няньки знали, а сказать нельзя.

Потом к Джаныке в гарем пришел мальчик-пастушок Али. Он пришел, смиренно опустил голову и сказал так:

— Слушай, Джаныке. Вот видишь, я мужчина, я не смотрю на тебя, пусть мои глаза не оскорбят тебя, девушку. Не бойся, выслушай меня, я ведь пришел от народа. Слушай, Джаныке, люди о тебе говорят, что никогда ты не сказала неправды, что твои розовые губы никого не обидели. Слушай, Джаныке, люди еще говорят,—дрожа от испуга, говорил Али,—что ты не дочь Тохтамыша, что ты наша, оттуда, из Эски-Юрта, что тебя купил Тохтамыш. Если так, Джаныке, то как же твое сердце терпит, как же ты народу не поможешь? Слушай, что я тебе скажу: там далеко, но ты не бойся, там вода поет. Пойдем!...

— А зачем нужна вода? — спросила Джаныке.

— Ты не знаешь? Во всем Кырк-оре нет ни капли воды. Маленькие дети падают, умирают, и никто не может спасти их. Я хотел проползти туда, где вода, но у меня широкие плечи, а ты—люди говорят про тебя,—ты тонка, как веточка, ты всюду проникнешь. Ты будешь пропол-

зять в расщелину и доставать оттуда воду, она там поет, а я понесу ее в водоем. Пойдем, ты же наша.

— Что ты, мальчик, — ответила Джаныке, — разве я смею, я же девушка, мне нельзя быть с тобой, мальчиком. Меня проклянет небо, все меня проклянут, все от меня отвернутся, даже ты, когда вырастешь и станешь большим мужчиной, ты будешь на меня пальцем показывать, и мне нужно будет тогда умереть.

— Не бойся, Джаныке, — просил мальчик, — пойдем, Джаныке, пойдем, мы так сделаем, что никто нас не увидит, а грех я на себя приму.

— Хорошо, — сказала Джаныке, и они пошли.

Всю ночь девушка и мальчик маленькими бурдюками таскали воду в городской водоем. И стало в водоеме воды столько, сколько в маленьком море. А они все носили. Потом, когда уже брызнуло солнце, когда стало хорошо на небе, вдруг из груди девушки улетела птица, даже видела маленькая Джаныке, как она высоко-высоко в небо понеслась. Потом ей стало очень больно, и она упала.

И упала она лицом на землю. Лицом

вниз упала Джаныке, она матери всех матерей стала жаловаться — земле.

Когда стало светло, пришли люди. Первыми появились маленькие люди — дети. Они увидели воду и сказали просто, как мудрецы: «Смотрите, вода!»—и стали пить. А потом бегали всюду и кричали: «Вода! Вода!» А большие люди не поверили, но маленькие люди все говорили: «Смотрите, вода! Вода!»

И весело все повторяли это слово и стали пить воду. А потом увидели, что Али-пастушок плачет около какого-то тела, которое лежит на земле, такого маленького, тонкого.

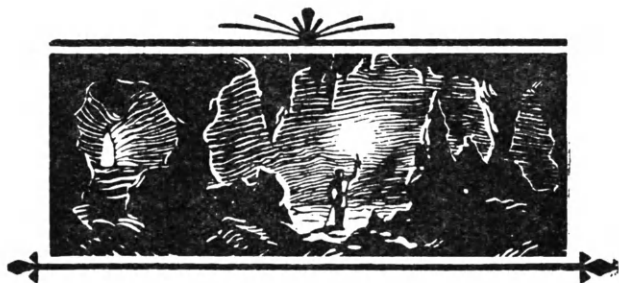
Когда повернули его лицом кверху, увидели и испугались.

— Джаныке!

И тогда все понял народ, и сказал тогда народ:

— Здесь лежит прекраснейшая из прекрасных, роза райских садов. О люди, уготовьте ей лучшее место в сердцах своих!..

ТЫСЯЧЕГОЛОВАЯ ПЕЩЕРА НА ЧАТЫР-ДАГЕ

Давно это было. На Южный берег Крыма хлынули толпы хорошо вооруженных кочевников.

Мирные жители Южного берега, никогда не посягавшие на чью-либо свободу, не знавшие, что такое насилие, очутились в рабстве. Тяжело пришлось им. Жестокие поработители отняли у трудолюбивых людей все — честь, свободу, плоды их труда.

Три года безнаказанно господствовали пришельцы в южных селениях. Они вся-

чески издевались над несчастными рабами, отнимали у них жен, предавались разврату и пьянству.

И переполнилась чаша народного терпения. Собрались однажды самые смелые, самые свободолюбивые и начали думать, как сбросить ненавистное ярмо.

— Надо, чтобы все селения выступили в одно время, — сказал один.

— Пусть каждое селение изберет от себя распорядителя. И распорядители договоятся, — предложил второй.

— Но ведь нужно достать оружие? — спросил третий.

Пока шел тайный сговор, с моря надвигалась опасность. У берегов появились корсары, известные своими опустошительными набегами.

Испуганные порабитители, не желая вступать с корсарами в бой и подвергать свою жизнь опасности, вооружили рабов и приказали: защищайте свою землю.

— Хорошо, защитим! — ответили те.

Заняв все прибрежное пространство, рабы зорко следили за вражескими кораблями, не давая им возможности приблизиться к берегу и высадить грабителей.

Когда опасность миновала, порабитители спустились с гор, откуда они наблюдали за сражением, и решили в честь победы устроить небывалое пиршество.

А в это время рабы давали клятву: не выпускать из рук оружие до тех пор, пока на их земле не останется ни одного захватчика.

Не подозревая об опасности, порабитители захотели поразвлечься. Они послали к рабам гонца с приглашением явиться на пир. Причем каждый раб должен быть одет в мешок, завязанный на шее.

— Хорошо! — сказали рабы. — Мы придем на пир.

И пришли. Но не в мешках, завязанных на шее, а вооруженные саблями, луками, камнями. И началось кровавое пиршество.

Обезумевшие от страха пировавшие бросились спасаться. Но грозные мстители настигали их везде — в селениях, в лесу, в горах.

Тысяче злодеев удалось скрыться в большой пещере на Чатыр-Даге. Но и там они не спаслись. Восставшие завалили камнями вход в пещеру и не выпусти-

ли оттуда ни одного живого человека.

Так поработители понесли заслуженное наказание. И следа не осталось от них. Только в пещере на Чатыр-Даге — тысяча черепов.

С тех пор эту пещеру и называли — Тысячеголовая.

ТОПОЛЬ, ГРАНАТ И КИПАРИС

Первобытные люди Крыма одухотворяли природу и верили в то, что многие растения появились на земле в результате каких-то чудесных превращений. Вот послушайте легенду о том, как в Крыму появились тополь, гранат и кипарис.

На морском побережье в четырнадцать верстах от Алушты проживал честный рыбак с добродетельной женою. Это были чрезвычайно кроткие и хорошие люди. Их ветхая хижина всегда была открыта для путников, которые находили в ней приют и ночлег. Бедные вдовы и дети-

сироты постоянно кормились у них, получая не только пищу, но и слова ласки и утешения.

Что и говорить, окрестные жители глубоко уважали рыбака и его жену. Добрая слава шла о них по Крыму. А рядом с доброй шла слава худая — о детях этих честных людей, о трех дочерях родных.

Старшую дочь звали Тополиной. На вид она была безобразной, маленького роста, неповоротливая. А по характеру — злая-презлая. Чтобы досадить соседям, она взбиралась на кровли хат, подслушивала чужие тайны, а потом разглашала их с насмешками по всему берегу. Но всего ужасней было в ней то, что она день и ночь проклинала своих родителей за свое уродство, за свой крошечный рост.

Вторая дочь, Граната, помешалась на розовом цвете. Та упрекала отца и мать за то, что она не красавица и что у нее не розовый цвет лица. Вот если бы она была яркая, как розовый цветок, все прохожие останавливались бы и смотрели на нее с восхищением.

Что касается младшей, Кипарисы, то

она была красивая и обладала веселым нравом. Но под влиянием своих старших сестер она тоже насмеялась над отцом и матерью. Мол, родили ее на свет божий не днем, а ночью, оттого она такая резвая и смешливая.

Тяжело было родителям слышать упрёки от детей своих. Но что поделаешь? Любовь родительская слепа и беспомощна. Старики молча сносили проделки своих дочерей, терпели от них насмешки. И, чтобы избежать неприятностей, часто уходили в горы. Там они жили по нескольку дней.

Однажды, когда они были дома, в хижину ворвались все три дочери. Разозленные каким-то уличным скандалом, они с кулаками набросились на отца и мать и начали избивать их.

— О небо! — взмолились родители. — Есть ли силы, которые смогли бы защитить нас от наших же детей!

Не успели они произнести эти слова, как неизвестно откуда раздался голос:

— Тополина, ты клянeshь своих родителей за то, что создана карлицей. Так стань же высочайшим деревом, которое всегда будет без цветов и плодов. Ни од-

на птица, кроме ворона, не будет вить на тебе гнезда...

— Граната! Твое желание тоже сбудется. Ты станешь деревом с розовыми цветами, и все будут останавливаться и восхищаться ими. Но никто не наклонится, чтобы понюхать эти красивые цветы, потому что они не будут иметь запаха. Плоды твои, ярко-красные в середине, не насытят никого и не утолят ничьей жажды, потому что они не будут созревать...

— Кипариса! Тебя постигнет участь твоих сестер. Ты сетовала на свой веселый характер — ты станешь растением красивым и печальным...

Перепуганные насмерть девушки бросились из хижины. За ними выбежали родители. Но детей своих они уже не увидели: во дворе стояло три дотоль неизвестных дерева. Одно взметнуло ввысь свои ветви, словно хотело стать еще выше, другое протягивало розовые цветы, а третье застыло в грустном молчании.

И называли люди эти деревья именами трех дочерей — тополь, гранат и кипарис.

ГУРЗУФСКИЕ СКАЛЫ-БЛИЗНЕЦЫ

В тех местах, где ныне Гурзуф, в давние времена все было покрыто дремучими лесами. Много зверей водилось в тех лесах: и медведи, и олени, и волки. Люди жили только на вершине Медведь-горы. Там стоял величественный замок. Далеко видны были его высокие башни, еще дальше разносилась слава о его владельцах — братьях-близнецах Петре и Георгии. Их мать, княгиня Елена, умирая, завещала им жить в мире и с честью носить отцовские доспехи. Вечно были братья в походах, на охоте. Мало жили в

замке они, а когда бывали там — от подножия и до вершины звенела гора от музыки. Моряки, которым случалось в те ночи плыть мимо Медведь-горы, пугались зарева на небе от огней костров и смоляных бочек...

Жили братья дружно, в бою рядом сражались, защищая один другого. Где меч одного промахнется, там меч другого попадет в цель.

Много верных слуг было у молодых князей, но вернее всех служил им старый Нимфолис. Страшный вид имел он: борода зеленая, руки длинные, до колен; глаза суровые, исподлобья глядят. А ударит он палицей—сотни врагов валятся. Свистнет старый — трава к земле пригибается, море рябью подергивается. Любили князя Нимфолиса. Во всем слушались его.

Прошел не один год со дня смерти княгини Елены. Возмужали князя, красивее их по всему Черноморью никого не было. Кудри до плеч, глаза словно угли горящие; глянут ласково — будто осчастливят навек, грозно глянут — задрожешь. Стройные, смелые, с гордым взглядом, со смелой поступью, — они были любимцами народа и грозой врагов.

Однажды в темную ночь стучит к братьям старый Нимфолис.

Встают братья и спрашивают.

— Что тебе надо, дорогой?

Печально посмотрел на них старик и сказал:

— Я пришел с вами проститься. Ухожу. Не уговаривайте меня, на то не моя воля. А на прощанье даю вам по подарку. Вы постигните тайну живущего, узнаете, как устроен мир и из чего он состоит. Но помните: никогда не пользуйтесь этим даром с корыстной целью, для какого бы то ни было насилия. Пусть он служит вам только для радости познания.

Поставил он на стол два перламутровых ларца и исчез. Бросились братья к ларцам, открыли их. В одном лежал костяной жезл с надписью: «Подними его — и расступится море, опусти — увидишь все, что есть в пучине», а в другом ларце — два серебряных крыла, тоже с надписью: «Привяжи их — и понесут тебя, куда захочешь, узнаешь там все, что пожелаешь».

Стали братья жить да поживать, часто вспоминая своего любимого Нимфолиса. Задумает Петр — и рванется в голубую

высь, захочет Георгий — по дну моря с жезлом пойдет, поражая морских чудовищ твердой рукой, которая никогда не дрожала. Изумлялись гости дивным рассказам Георгия о далеких странах, содрогались самые храбрые при виде страшных чучел из морских чудовищ.

Но вот услышали братья, что в далеком славном городе на быстрой реке есть две сестры, девушки-близнецы, как и сами братья. Говорили, что сестры — красавицы отменные, такие стройные, что когда идут, будто корабль по тихому морю плывет, такие смелые, что гордый взгляд своих голубых глаз ни перед кем не опускают.

Братьям бы прийти с миром да лаской, заслужить приветливостью любовь и уважение, показать себя во всей душевной красе. А они по-другому сделали, по-плохому.

Налетели на далекий славный город, жителей побили, сестер-красавиц силой взяли. А силой взятое — не любовью взятое. Насилие и любовь никогда не уживутся.

И хотя появились женщины в замке братьев, не изменилось в их жизни ниче-

го. Орлы встретили орлиц! Не захотели гордые сестры принять братьев, отвергли их любовь, которую те хотели подарить им в неволе. Если бы в поднебесье, паря в неоглядном просторе, нашли бы они друг друга... А в клетке тесной, стальными прутьями перевитой, омертвела душа сестер и ничего в ней не осталось, кроме презрения и ненависти к братьям.

Дрогнули сердца братьев от боли. И захотели они любой ценой купить любовь сестер. Приходят к ним и говорят:

— Не заставляйте нас горевать, не мучайте нас... Скажите, что хотите вы за свою любовь.

Гордо отвернулись от них сестры, долго молчали. Одна, с виду постарше, сказала не глядя:

— Свободу раньше дайте нам. А потом будем говорить, как равные с равными.

Переглянулись братья и покачали головами.

— Нет!

Чего только не делали молодые князья, чтобы заставить улыбнуться красавиц-сестер. Они по-прежнему были холодны

и молчаливы, словно камни на дне морском.

Затосковали братья. Думали в кровавых битвах забыть о девушках — не могло. Как шип железный, ранит сердце отвергнутая любовь. Думали в попойках потушить тоску — не потушили. Перед глазами стоят красавицы, как судьи, смотрят на братьев.

Говорит брат брату:

— Может быть, скажем им о наших ларцах, о жезле и крыльях? Они узнают, кто мы с тобой, и допустят нас в свои сердца.

Согласился брат и добавил:

— Скажи им, мы властны подняться к самому солнцу и их поднять туда, мы можем опуститься в глубины моря и их увлечь за собой.

Так и сделал брат. Одна сестра как будто заинтересовалась.

— До самого солнца? И в самую глубь морскую? Диковинно, если правда это.

Другая тоже посмотрела на князя.

Всю ночь не спали братья. Они помнили завет Нимфолиса, который предупреждал их, чтобы не пользовались они волшебными предметами с корыстной целью.

И тихо рассуждали, как отнесется к их поступкам старый слуга.

— Он нас не осудит, — сказал Георгий. — Ведь он, наверное, знает, как тяжело нам живется и как нужна нам дружба этих женщин. Нет, не ради корысти, а ради счастья и покоя решаем им показать то, что скрыто от глаз человеческих.

На другой день подвязал Георгий коню крылья, уселись на коня братья с сестрами и поднялись ввысь. Не одно облако они задели, не одна молния пронеслась мимо них на землю, а все выше поднимались дерзкие. К вечеру, словно гора алмазов, засветились перед ними солнечные чертоги и прынул на людей, опаяя, солнечный луч.

Раздался голос старого Нимфолиса:
— Назад!

Задрожал Георгий, побледнел первый раз в жизни и повернул коня. Словно вихрь неслись они вниз. Дух занялся у сестер, закрылись голубые глаза, без чувств опустил их на землю Георгий. Но очнулись они и заговорили насмешливо и дерзко:

— Не поднял нас до солнца, бежал, как трусливый заяц. Как слабая женщи-

на, поступил. Не достойны ни ты, ни брат твой нашей любви.

На другой день запряг Петр в колесницу коней и повез сестер и брата к бурному морю. Опустил жезл, расступилась пучина, и понеслись они по дну вглубь, где дивный высился дворец. Недалеко еще отъехали от берега, как явился Петру незримый для красавиц Нимфолис в зеленом плаще и сказал:

— Петр, с нечистым замыслом опустился ты в глубину. Приказываю тебе вернуться, если не хочешь погибнуть сам и погубить всех.

Ничего не ответил Петр, только хлестнул быстрых коней. Разгневался царь пучины, грянул трезубцем один раз — и убил братьев, грянул второй — и убил сестер.

Но не погибли они. Всплыли их тела, соединились навеки в камне.

И люди видели в море скалы-близнецы Адалары. Повествуют эти скалы о том, как скорбно кончаются попытки взять что-либо силой от души человеческой.

О КОЛЫБЕЛИ, СПРЯТАННОЙ НА ГОРЕ БАСМАН

Когда-то в Крыму существовали два сильных государства. Одно из них именовалось генуэзским и расположено было на побережье, другое находилось в горах и потому называлось горским.

Государства эти вели между собой беспрерывную войну. Генуэзцы угоняли стада горцев и разоряли селения. Горцы в ответ нападали на генуэзские крепости.

Такое положение не могло длиться бесконечно, надо было решить споры. Но

как? Вопрос этот враждующие князья задали своим советникам.

Некоторое время спустя генуэзский посол явился со свитой к горскому князю и предложил вечную дружбу. И если горцы действительно искренне желают дружбы, то пусть выдадут генуэзцам золотую колыбель — священную реликвию горского народа, которая изображена на его знамени.

— Мы требуем этого только потому, — сказал генуэзец, — что знаем, как высоко цените вы колыбель. Передайте ее нам — мы убедимся, что вы дорожите миром больше всего на свете.

Услышав это требование горский князь обнажил саблю и ответил:

— Твои слова так оскорбительны, что я готов тебя убить. Неужели ты не знаешь, что в этой колыбели вскормлены все мы и что у нее клялись верности своему народу наши предки?

Посол генуэзцев настаивал на своем и добавил:

— Мы жаждем согласия с вами и готовы тоже дать вам в залог самое дорогое, что имеем.

Вождь горского народа немедленно

собрал своих советников, рассказал о предложении генуэзцев. Долго думали горские советники. Они ни за что не хотели расставаться со святыней своего народа, ибо это значило, что они добровольно согласны лишить себя своего имени, свободы и независимости.

— Надо попросить у генуэзцев ту бумагу, по которой они владеют землей в Крыму, — решил совет горцев. — Нечего думать, что они на это согласятся. А тогда начнем переговоры о мире на иных условиях.

Генуэзскому послу передали ответ горского князя. Посол молча повернулся и со своей свитой отправился на побережье. Прошла еще неделя, и от генуэзского князя явился новый гонец.

— Возьмите у нас все, что угодно, — говорил он, — но только не эту бумагу.

— А что же дороже есть у вас? Ведь осмелились же вы говорить с нами о нашей святыне!

— Мы — это другое дело, — сказал посол. — Вы известны, как народ гордый, неустрашимый, и вас можно заставить помириться с нами, только отняв вашу святыню.

— Спасибо за доброе слово! — усмехнулся горский князь. — Но почему вы держитесь за клочок бумаги? Что он вам дает?

— А какие же права на землю останутся у нас, если мы лишимся этой бумаги?

— Не договоримся мы, наверное, — сказал князь.

— Смотри не зlobя нас. Мы силой заберем вашу святыню, раз вы сами не хотите отдать ее нам.

— Ты угрожаешь, — ответил горец, — но легче говорить, чем сделать. Народ наш не боится никого и скорее весь до последнего ляжет в битве, чем продаст свою честь!

— Другого ответа я не дождусь?

— Нет!

Разгорелась новая война между генуэзцами и горцами. Редели ряды славных защитников знамени с изображением золотой колыбели. Княжеству грозила гибель. Генуэзцы требовали золотую колыбель, обещая прекратить войну. Тогда горский князь собрал народ и спросил, не лучше ли согласиться с такими условиями.

— Мы не хотим этого! — закричали воины. — Не допустим позора, пока жив хоть один из нас!

— Друзья мои! — сказал князь...— Пока цела наша святыня, народ живет, хотя бы осталась от него только горстка людей. Поэтому я спрячу святыню так, чтобы ее не нашел никто из врагов. И наложу на нее заклятие, чтобы далась она в руки только тем, кто приблизится к ней с чистыми побуждениями...

Сказав это, князь с небольшой группой близких людей направился к пещере на горе Басман, близ Биюк-Узенбаша. Только им одним известными тропами они добрались до нее.

Воины внесли золотую колыбель в глубь извилистой пещеры и оставили князя одного. Став на колени, он тихо произнес:

— Могучие духи! Я и мой народ вверяем вам самое дорогое, чем мы обладаем. Его хотят отнять алчные соседи—генуэзцы, чтобы лишить нас имени, чести и свободы. Горские воины бьются с ними сейчас не на жизнь, а на смерть. Если они не сумеют одолеть жестокого врага и погибнут, прошу вас: примите под свою ох-

рану нашу святыню и сохраните ее для грядущих поколений.

— Так будет!—раздалось в мрачной пустоте пещеры.

— Заклинаю вас покарать того, кто захочет взять эту колыбель ради порабощения другого народа или ради какого-нибудь иного злого умысла.

— Так будет! — опять донеслось из мрачной пустоты.

— Могучие духи! Я прошу вас открыть место, где хранится колыбель нашего народа, тем людям, которые будут искать ее для возрождения моего народа, его славного имени, его непокорного духа. И помогите мне в битве за жизнь моей семьи, жен и детей моих воинов, за нашу землю, горы, за наши поля и жилища!

В этот момент перед князем появился старец в белой одежде и сказал ему:

— Не отчаивайся! Тяжелые дни переживает твой народ, но наступят для него и лучшие времена. Это будет не скоро, немало горя испытает он. Однако, смотря вдаль, я вижу его возрожденные поля, шумные города, счастливых людей. Не отчаивайся, если даже потерпишь поражение...

— А что будет с генуэзцами, нашими врагами?

— Судьба их несчастна, как и всех захватчиков. Они навсегда исчезнут с этой земли.

Старец медленно ушел в глубину пещеры, а князь выбрался из нее и поспешил к своим воинам.

Долго еще длилась война между двумя народами. И каких бы побед ни достигали генуэзцы, они не могли захватить золотой колыбели.

Ушли последние отряды горцев с родной земли, уступая злобной силе. Но и ряды их врагов ослабели. И когда неожиданно орды новых захватчиков нагрянули на генуэзцев, они с позором бежали, чтобы никогда больше не появляться на крымской земле. А бумагу, которая давала им право владеть этой землей, унес ветер в далекое море, и исчезла она навеки.

Столетие за столетием кипели битвы за горскую землю, а в пещере на горе Басман хранилась чудесная золотая колыбель.

Много смельчаков пыталось завладеть ею, но им не удавалось добраться до

нее. Они возвращались изуродованные, с помутившимся разумом.

Однако наступило время, и раскрыли горы свои богатства. Живущий сегодня в Крыму народ добыл эту колыбель. В его сердце — беззаветная любовь к родине, как у горцев, на знамени которых была когда-то изображена золотая колыбель.

ГОРДАЯ АЙШЕ

Камни, камни на крымской земле! Куда ни посмотришь — везде камни. Назад посмотри — камни, вперед посмотри — камни, сюда посмотри — камни, туда посмотри — камни. Что так много камней в нашем краю?

Вот на Бурунчуке из камня крепость была сложена, большая крепость. А владела этой крепостью девушка, звали ее Айше. Сильная девушка была, гордая, ее сердце не знало жалости. Она никогда никого не любила. Глаза у нее были черные, и если она на человека ими посмот-

рит, когда сердится, — ну тогда от человека останется один пепел. Лучше на такие глаза не попадаться.

Совсем как мужчина была девушка Айше, никогда никого не боялась, и далеко знали о ней.

Всегда гневная и сильная, а нутро женское. Никогда никого не любила и любить не хотела, а нутро говорило ей — полюбишь.

И захотелось ей однажды стать мягкой, как и все женщины. А не смогла. Тогда сказали ей:

— Знаешь что, иди вниз к источнику. Там такая вода есть, что самый крепкий человек, самый гневный человек мягким становится, если в той воде искупается.

И решила Айше: «Пойду выкупаюсь, попробую, как это жить, когда совсем как женщина».

И пошла.

А напротив источника стояла другая крепость — Тепе-Кермен, и в ней жил юноша. Глаза у него были голубые такие, как два горных озера, волосы белые, шаг мягкий, как у кошки. Но никто не знал, что эти голубые глаза могут быть, как два меча, когда они в сильных муках, ни-

кто не знал, что если в гневе юноша посмотрит, то этими голубыми глазами срежет голову.

Увидел юноша, что пришла к источнику прекрасная девушка, и спустился к ней вниз.

— Уходи, юноша, — сказала Айше, — эта вода моя.

— Что ты, девушка, это вода всегда была в моем распоряжении. Уходи ты.

— Как ты смеешь мне приказывать! Разве ты не знаешь, что я Айше из Кыз-Кюлле? Мне никогда еще никто не приказывал.

— Я тебе не приказываю, я тебя прошу — уходи, потому что вода эта моя.

— Ну скажи это еще раз, и я посмотрю, как ты сгоришь на глазах моих.

— Попробую сказать.

И хотя она гневно посмотрела на юношу, тот не дрогнул. Он только поймал взгляд черных глаз и в сердце свое спрята. И в первый раз полюбил.

— Слушай, девушка, — задыхаясь, сказал он, — иди ко мне в крепость. Теперь я тебя знаю — ты моя соседка. Идем ко мне, я сделаю тебя своей женою.

— Сделаешь? — сказала Айше. — Я не ребенок, и мне маменьки не нужно. Уйди от воды!

— Нет, зачем же. Я не уйду. А лучше иди ко мне в крепость.

И он еще ближе подошел к ней.

— Брось мои руки! — крикнула Айше, когда юноша сильно сжал их.

И она, гордая, ушла от источника. А потом наверху у себя она рассердилась, ай-яй-яй как рассердилась! На всех кричала, все разбежались.

Потом гордая Айше позвала слуг и сказала:

— Идите и скажите ему, пусть поклонится мне, и я его возьму себе в мужья. Ступайте!

Они пришли. Пришли и сказали:

— Господин наш, наша повелительница сказала, что она тебя берет себе в мужья. Иди к ней в крепость.

— Берет, говорите вы, — засмеялся юноша. — А я не лошадь. Пускай ко мне придет, если хочет.

— Так, — сказала в бешенстве Айше. — Я тебя заставляю все-таки прийти.

И велела бросать камни в овраг. И стала сама камни бросать. По-разному брос-

сала: со злобой бросала и с нежностью бросала. Совсем уже заполнила овраг. А потом стала ждать Айше.

А через овраг, наполненный камнями, пошли два маленьких человечка: девочка и мальчик.

Девочка шла навстречу мальчику и стала ему говорить:

— Какие злые люди забросали овраг камнями. Там внизу были такие красивые цветы!

А мальчик говорит сердито:

— Там внизу жили барсуки, и я ходил на них смотреть. Зачем закрыли их норы. А ты куда идешь? — спросил он девочку.

— Так, гулять.

— Идем к нам в крепость.

И девочка весело побежала с мальчиком в крепость.

Айше смотрела им вслед и думала: «Что ж, и я так пойду, как ребенок? Пойду? Не пойду!»

Долго терпела Айше, а потом пошла. Она шла, пошатываясь, и губы ее что-то шептали. Она закрывала свое лицо руками и опять шла. И пришла в крепость.

В воротах встретил ее юноша.

— Пришла? — спросил он.

— Пришла, — отвечала угрюмо Айше.

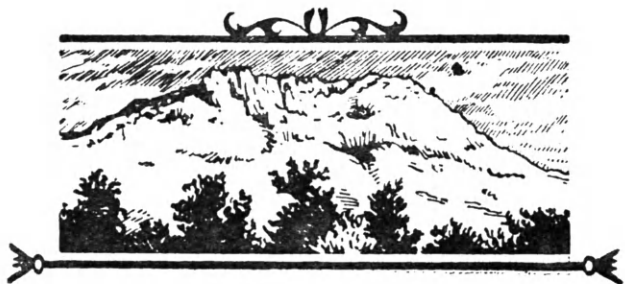
— Значит, любишь?

— Люблю, — сказала Айше.

А потом высоко подняла руку и в самое сердце кинжалом ударила юношу.

— Люблю! — еще раз сказала она.

ГОРА-КУЗНЕЦ

Демерджи — это самая красивая гора в Крыму, — говорят местные жители. — Сколько часов имеет день, столько раз меняется ее цвет. Будто радуга переливается по ее склонам.

Днем, когда все залито солнечным светом, можно заметить на горе скопление глыб, словно великан отрывал их от вершины и складывал в кучу. На стороне, обращенной к долине, видны каменные колонны, сказочные фигуры — не то люди, не то животные. Стоят эти причудливые изваяния и как бы спрашивают: «Уз-

найте, кто мы такие, как мы попали сюда».

О них старожилы рассказывают множество легенд. Вот одна такая легенда.

В далекие-далекие времена хлынули на крымскую землю орды завоевателей-кочевников. Были они коренасты, длинноруки, лица — круглые, глаза — маленькие, а взгляд — свирепый. Как огненная лава растекались они по степям и горам, гарь, дым, смрад стлались за ними.

Не покорились пришельцам крымские жители. Немало истребили они незваных гостей, поубавили их спесь. И чем дальше в глубь полуострова двигались завоеватели, тем больше нужды в оружии испытывали они.

И дошли они до горы, которую местные люди звали Фунна — Дымящаяся. Поднимался с вершины ее столб дымящегося огня, всегда светло было вокруг горы.

Славились окрестные жители кузнечным искусством, немало умельцев жило в селении у подножия горы, трудясь в своих маленьких кузницах.

Первый горн в этих местах люди зажгли от огня с вершины Фунны. И часто в

народе эту гору звали по-другому — Демерджи, Кузнец.

Собрались возле горы военачальники завоевателей, с удивлением смотрели на ее укутанную дымом вершину.

— Лучший горн где найдешь? — сказал старший. — Тут будем ковать себе оружие...

Он подозревал человека, который выделялся своей внешностью. Был он высок, широкогруд, имел длинную черную бороду, глаза большие, красивые. Смотришь в них — оторваться трудно, а на душе — страшно. Кто хоть раз видел этого человека, не мог забыть ни его могучего тела, ни его тяжелого взгляда.

Сказал старший военачальник чернобородому несколько слов, тот кивнул головой и с воинами спустился в селение. В селении они захватили с десятков жителей и повели их на вершину горы.

С той поры у завоевателей появилось много оружия. Ковал его на вершине чернобородый человек, кузнец. Устроил он там гигантскую кузницу. Целыми днями гора гремела, валил дым, плясало пламя, разносились стук и звон молотов. Гора дрожала. Сабли, копья, доспехи, щиты,

топоры — все это везли и везли для армии завоевателей. И потому, что чернобородый обладал какой-то тайной силой, сталь с горы получалась такая, что рубила любую другую. И этим дьявольским оружием всех уничтожали завоеватели

Обезлюдели окрестные селения. Самые сильные мужчины были уведены в кузницу, где ковали оружие для порабощения своего народа. Гибли они от непосильного труда, от голода и лишений.

Пылавшее пламя сушило землю. Иссыкали родники, мелели речки, перестал родить виноград, чахли сады. Возле Фунны не уставала ходить с косой смерть — все новых и новых работников требовал чернобородый кузнец, все больше и больше гибло их на вершине горы.

Собрались старшины нескольких деревень, чтобы обдумать, как же избавиться от страшного соседства, как потушить адскую кузницу, чтобы перестала она ковать оружие, сеявшее разрушение и смерть. Самых уважаемых послали они к кузнецу — просить его уйти с горы. Долго их не было, и вдруг доставили с Фунны еще горячий кувшин с пеплом и остатками человеческих костей.

Хорошо поняли в селении, что хотел сказать им кузнец.

Тогда одна девушка — Марией звали ее — решила поговорить с господином огня. Тихонько мимо стражи чуть заметными тропками добралась она до огромной кузницы. Мрачную картину увидела Мария. Под навесом клокотали огнем десятки горнов, гудели меха, искры разлетались яркими снопами. У наковален стояли полуголые люди, били молотами по раскаленному железу.

Появился чернобородый. Мария подошла к нему.

— Слушай меня, чужой человек, — сказала она.

Кузнец оглядел ее хищным загоревшимся взглядом.

— Чего ты хочешь?

— Я прошу тебя — не губи ты людей, уходи отсюда.

Засмеялся чернобородый.

— Нет, не уйду я. Зачем мне уходить? И тебя здесь оставлю. Ты будешь моей...

И он протянул руки к девушке. Оттолкнула она его с безумной силой. Упал он возле горна, опалил волосы, одежду. В неудержимой злобе схватил кузнец

только что откованный кинжал — и пала Мария бездыханным трупом к его ногам.

Старая седая гора не выдержала такого злодейства. Дрогнула она от основания до вершины, задышала огнем, зашатались столбы, и рухнул навес на горны и наковальни. Раскрылось жерло горы, и провалились в его раскаленную глубину чернобородый вместе с его помощниками-пришельцами.

Когда потухло пламя, улеглись обломки скал, увидели люди необычайное зрелище: на склоне горы высились каменные изваяния — уродливые подобия кузнеца и его подручных. А на самой вершине появилась скала, очертаниями своими похожая на женскую голову. Она напоминала всем о девушке Марии — последней жертве жестокого кузнеца.

С тех пор успокоилась Фунна, не стало видно огня над ее вершиной и было забыто людьми давнее имя горы — Дымящаяся. Но запомнил народ все пережитое и закрепил за горой новое имя — Демерджи, что значит «кузнец».

ОБ ИСТОЧНИКЕ ПОД АЙ-ПЕТРИ

Между Алушкой и Мисхором на берегу горной речки Хаста-баш в давние времена доживали свой век старик со старухой. Хижина их пришла в ветхость, да и не удивительно: ведь старику исполнилось девяносто лет, старухе восемьдесят, а дети их давно разъехались по свету в поисках счастья. Крошечный огород и садик едва-едва давали им скудное пропитание.

Почувствовал старик приближение смерти. Мучила его и старуху одна мысль: где взять деньги, чтобы устроить приличные похороны?

Старик решил, собрав последние силы, несколько раз сходить в горы, в лес, набрать там сушняка, продать его на базаре в Алушке, купить гроб и все, что нужно для похорон.

На следующий день старик рано утром опоясался веревкой, заткнул за пояс топор и, тяжело опираясь на кизилковую палку, пошел в горы. Подолгу и часто отдыхал, пока дошел до подножия Ай-Петри, где было много бурелома и сухих веток.

Нарубив большую вязанку дров и взвалив ее на спину, кряхтя и спотыкаясь, поплелся старик вниз.

Дошел он до одного из источников, которые дают начало речке Хаста-баш. Солнце было в зените, жара и усталость совершенно обессилили старого человека. Он решил отдохнуть и, сбросив дрова на землю, жадно стал пить. После этого ему очень захотелось спать, и, прислонившись спиной к сосне, старик уснул.

Когда он проснулся, то увидел, что солнце ушло на запад — день кончился. Старик забеспокоился и поспешил домой. Легко вскинув на плечи вязанку с дровами, чуть ли не пританцовывая, быстро на-

чал спускаться с горы, по привычке разговаривая с самим собой:

— Мало дров взял, старик, очень легкая ноша, надо бы раза в два больше.

Между тем старуха, не дождавшись старика, решила пойти в лес на поиски. Увидев человека с вязанкой, она обратилась к нему со словами:

— Не встречал ли ты, молодец, в лесу моего старика?

— Да что ты, мать,—ответил ей муж,—эт старости ослепла, что ли, своего старого узнавать перестала!

— Не смейся надо мной, старой, и ты когда-нибудь таким будешь, и мой муж лет семьдесят назад был таким, как ты.

И понял тогда старик, что напился он воды из источника молодости, о котором когда-то говорил ему дед.

Старик рассказал об этом старухе. Она, конечно, немедленно захотела напиться той же водицы. Муж объяснил ей, как найти источник, и быстрее пошел домой. Он вдруг вспомнил, что много лет уже не починял плетень вокруг сада и огорода, что оставалась лежать сломанной калитка и что вообще немало дома дел, которые требуют сильных рук и хозяйского глаза.

Увлечшись работой, он не заметил, как наступила ночь. Только тогда он вспомнил о старухе. Бегом кинулся в горы. За несколько минут он проделал путь, на который утром затратил несколько часов. Но у источника старухи не было.

Долго он разыскивал жену. Уже отчаялся найти ее, когда услышал в кустах детский плач. Подняв ребенка он направился домой. Наступил рассвет. Несказанно удивился старик, увидев, что ребенок на его руках укутан в лохмотья старухи...

Оказалось, что со свойственной женщинам жадностью к молодости старая женщина выпила слишком много воды из чудодейственного источника под горой Ай-Петри.

РУСАЛКА И ФОНТАН АРЗЫ

В очень давние времена, когда Южный берег Крыма был под властью турецкого султана, жил в деревне Мисхор скромный труженик Абий-ака. Жил он в хижине вблизи моря и неутомимо работал на своем маленьком винограднике. Слыл старик Абий-ака честным, работающим человеком и пользовался почетом и уважением у всех односельчан.

Бережно ухаживал Абий-ака за лозами на винограднике, за персиками и яблонями в саду, оберегая их от весенних морозов и туманов, от прожорливых гусениц

и болезней. Но всего заботливее, всего нежнее выращивал он свою единственную дочку, черноглазую Арзы. Славился Абий-ака своей мудростью, но еще больше славился он красавицей-дочкой. Строен и гибок был стан Арзы, как лоза винограда. Сорок тонких косичек сбегали по плечам ее до самых колен, как сорок струек воды в горной речке. Блестящие огромные глаза были черны, как звездное небо над цветущей яблоней. Яркие губки рдели, как две спелые вишни, а нежные щеки румянились, как бархатные персики.

Все любовались прелестной Арзы. Но внимательнее всех присматривался к ней хитрый старик Али-баба. Он потерял покой с тех пор, как впервые увидел ее у фонтана на берегу моря, набиравшей воду в медный кувшин. Али-баба был хозяином фелюги с пестрыми парусами, которая приходила часто из-за моря, с турецкого берега, в Мисхор. Не любили купца: ловко он умел обмануть при купле и продаже. И еще шла о старом турке темная молва, будто высматривает он девушек в селениях Южного берега, похищает их и увозит на своей фелюге в Стамбул для продажи в гаремы турецких пашей и беев.

Всегда не по себе было красавице Арзы, когда она чувствовала пристальный взгляд Али-бабы.

Время шло, и хорошела с каждым днем девушка. Весело хлопотала она вокруг отцовской хижины, помогая матери в работе, звенел ее серебристый смех на винограднике, с песней спускалась она к своему любимому фонтану. И долго просиживала там, глядя, как набегают на берег волна за волной и шевелит разноцветные камешки.

Много мисхорских женихов присылали сватов Абий-аке, но посмеивался старик и пряталась Арзы. Не могла она забыть веселого парня из дальнего села, которого встретила однажды у прибрежного фонтана. О нем-то и думала она подолгу, глядя на волны и на чайки, носившихся над морем.

И вот пришел день, когда парень прислал сватов к Арзы. Покачал головой Абий-ака, жаль ему было отдавать дочь в чужое село, поплакала мать. Но не отказали сватам родители.

Пришла весна, цвели деревья у хижины Абий-аки, но еще пышнее цвела дочь Абия, готовясь к свадьбе. И только одно печалило ее сердце: близкая разлука с от-

цом и матерью, с подругами и с милым фонтаном у берега моря.

Весело праздновал Мисхор свадьбу красавицы Арзы. Юноши и девушки за-тевали шумные игры.

Многолюднее и шумнее всего было во дворе Абий-аки. Вся деревня Мисхор сошлась на свадьбу Арзы. И из соседних деревень пришло много гостей на торже-ство.

Звенели смех и песни, но Арзы была печальна.

Вот спустились весенние сумерки на бе-рег, вот в синюю тень погрузилось подно-жие Ай-Петри. Запел рожок пастуха, воз-вращавшегося со стадом, и подернулась мраком просторная гладь моря. Подня-лась со своей подушки наряженная в пе-строе одеяние невесты Арзы и тихонько вышла из хижины. В последний раз за-хотела повидаться и проститься с доро-гим для нее фонтаном и морским просто-ром.

Взяла она свой медный кувшин и спу-стилась к фонтану. Там, у самых морских волн, прислушиваясь к плеску прибоя и журчанию источника, погрузилась она в воспоминания о детстве.

Не подозревала девушка, что несколько коварных глаз наблюдали за ней, следили за каждым шагом. Не замечала она, что в прибрежных кустах прятались чужие люди. Не знала, что фонтан окружен со всех сторон.

Посидев на берегу, Арзы подошла к фонтану, нагнулась и подставила медный сосуд.

Вдруг что-то шевельнулось над самой ее головой. Легкий кошачий прыжок — и две цепкие руки обхватили несчастную девушку. Отчаянный крик вырвался из груди Арзы, но две другие руки закрыли ей рот, набросили плащ на голову, скрутили так, что она не в силах была издать больше ни звука.

Пираты подхватили драгоценную добычу и во главе с Али-бабой бросились к лодке.

Али-баба торжествовал. Наконец-то ему удалось доставить радость своему жадному сердцу, похитить такую красавицу, которая станет украшением дворца самого султана, а ему принесет богатство. Узнав о свадьбе, он уже совсем было потерял надежду захватить Арзы. А тут она сама далась в руки.

Обезумев от ужаса и горя, прибежал отец Арзы на крик дочери, бросились за ним жених и гости. Но было уже поздно — фелюга Али-бабы, покачиваясь на волнах, уносилась к Стамбулу.

Селение огласилось воплями. Все оплакивали любимую Арзы.

Тосковали о бедной девушке не только несчастные родители, не только жених, не только односельчане. Заках и любимый ее фонтан. Прежде он весело журчал, давал обильную влагу, а исчезла Арзы — стал иссякать. Наконец лишь тяжелые капли, как горькие слезы, покатались с желобка.

Али-баба привез Арзы в Стамбул. Удача и здесь не оставила его. Не успел он вывести плачущую девушку на невольничий рынок, как явились туда евнухи самого султана. Они нашли Арзы достойной гарема наместника пророка на земле. Девушка была приведена во дворец. За Арзы Али-баба получил большую плату: столько золотых монет, сколько нужно было, чтобы сплошь выложить ими ложе его величества...

Тосковала, плакала Арзы, не находила себе места в гареме, дичилась жен, ра-

бынь, евнухов и таяла не по дням, а по часам. Родила Арзы мальчика, но не принес он облегчения ее душе. Ровно через год с того дня, когда руки разбойников схватили ее на далеком крымском берегу у любимого фонтана, поднялась Арзы с ребенком на угловую башню султанского сераля и бросилась в пучину Босфора.

В тот же вечер печальная русалка с младенцем подплыла впервые к фонтану у берега Мисхора.

С тех пор один раз в год, в тот день, когда была похищена Арзы, начинал фонтан струиться сильнее, и в тот же час из тихих волн появлялась русалка с младенцем на руках. Она подходила к фонтану, жадно пила воду, играя со струей, смачивая руки и волосы, ласково гладила камни. Она сидела на берегу, задумчиво всматриваясь в морской простор, глядела на родное село. А потом, тихо опустившись в волны морские, исчезала до следующего года.

МОГИЛА МАМАЯ

В Крыму в глубокой древности появился человек, который некогда господствовал над половиной мира и хотел во что бы то ни стало завладеть остальной его частью. Слава о жестокости и вероломстве завоевателя летела далеко по земле. Имя этого человека было — Мамай.

Он так любил говаривать:

— Только тогда я буду спокойно спать, только тогда оставят меня различные прихоти и желания, когда я буду хозяином всего света...

Но не суждено было осуществиться властолюбивым мечтам кровожадного хана. На славянской земле он встретил достойный отпор. Ударили руссы по ханскому войску — и падали татары с коней, как осенью листья с деревьев.

Бросив разбитое войско и захватив с собой сокровища, Мамай бежал к берегам Азовского моря. Там он нанял большой корабль и пустился искать счастья в других краях.

Как долго плавал Мамай — никто не знает. Только оказался его корабль у берегов Крыма, возле города Кафы. Стал проситься Мамай в город, стал хвастаться своим богатством. Узнали градоправители, кто к ним пожаловал, подумали и решили пустить беглеца в Кафу. Что ж, если хочет, пусть мирно живет, торгует, способствует обогащению города.

Мамай поселился за городом. Но властолюбивые мечты не давали ему покоя. Этому человеку казалось, что он создан для господства, а не для подчинения. Его не удовлетворяла жизнь простого горожанина. И он задумал захватить этот город.

Для достижения своей цели Мамай на-

чал подбирать людей, которые благоговели перед его былым могуществом и которые жаждали славы и легкой наживы. Когда приверженцев набралось достаточное количество, Мамай приказал им притаиться в городе, приготовиться к нападению и ждать его сигнала.

Мамай был уверен в успехе. Городская крепость охранялась слабо, в городе никто даже и не подозревал о грозящей опасности. Упоенный надеждами, хан забылся на минуту и поведал о своей радости верному слуге. Слуга разделил радость своего хозяина со своей любимой женой. А известно, что, когда женщина посвящена в какую-либо тайну, она, чтобы возвыситься в глазах других, старается разгласить ее встречному и поперечному, приговаривая при этом: «Только тебе одному».

Тайна Мамая в первый же день облетела всю Кафу и дошла до градоправителей, которые и без того уже с беспокойством посматривали на подозрительных людей, появившихся в городе. Понятно, что стража в крепости была увеличена, а жители вооружены и приготовились к отчаянному сопротивлению.

Не зная, что заговор его раскрыт, Ма-

май в полночь подал сигнал и стал во главе мятежников. Но в какую бы улицу отряд ни попадал — везде его встречали градом камней и дождем стрел.

Поняв, что замысел его провалился, хан бросил на произвол судьбы своих сообщников и спрятался в городском бассейне. Там он сидел до утра в надежде, что кто-нибудь придет за водой и поможет ему незаметно исчезнуть из города. Утром он услышал знакомый голос и вышел из своего убежища. Оказалось, что это был его слуга.

Канавой, по которой стекает к морю дождевая вода, слуга вывел своего хозяина за город.

— Беги, мой повелитель, — сказал он. — Беги в те края, где тебя еще не знают.

— А сокровища? Мои сокровища! Я должен захватить их с собой.

— Но, повелитель, тебе опасно показываться дома. Тебя разыскивают по всему городу. А разыщут — пощады не жди. Я сам своими ушами слышал, какие страшные проклятия сыпались на твою голову. Город бурлит от негодования. Беги!

— Ты мне смеешь указывать! — закричал хан. — Я сам знаю, что мне делать!..

Придя домой, Мамай почувствовал себя в безопасности и начал мечтать о том, как он в конце концов захватит Кафу и отомстит за свое вчерашнее поражение. «Я богат, — думал он. — У меня есть сокровища, при помощи которых я подкуплю стражу и градоправителей, посею смуту и недовольство среди горожан. Люди всегда склоняли головы перед золотом, перед силой. Я сильный, я поставлю всех на колени!»

А в это время дом, в котором находился Мамай, был окружен. Услышав гул голосов и бряцание оружия, Мамай схватил меч и выскочил наружу.

— Смерть тебе, жестокосердный и коварный человек! — закричала вооруженная толпа, увидев Мамаю. — Ты надругался над нашим гостеприимством, ты опозорил наш город, ты пролил кровь наших жителей! Смерть тебе! Смерть! Смерть!

И в тело Мамаю вонзились десятки пик, и он, как сноп, повалился на землю.

— Пойдите, не убивайте, — прохрипел

хан. — У меня сокровища, я дам вам много золота...

Даже в эту минуту он все еще надеялся жить, чтобы со временем завоевать мир и расправиться с ненавистным ему человечеством по-своему. Но душа покинула его тело, прежде чем дневное светило покинуло землю.

Когда совсем стемнело и нельзя уже было отличить белую нитку от черной, слуга отыскал изрубленное тело своего властелина и похоронил его далеко за городом Кафой. Вскоре на том месте появился курган, который люди называли Мамаевой могилой.

Так на крымской земле нашел себе могилу еще один хан-поработитель, посягавший на чужую свободу, честь и независимость.

ОБ УДАЛОМ КАЗАКЕ И ЖАДНОМ ТУРКЕ

Во время турецкого владычества в Крыму жил на Мангупе паша — начальник крепостной стражи. Больше всего на свете любил паша деньги. С окрестных жителей он собирал налоги, солдат своих много раз посылал грабить ближние селения. Когда турки приводили в Мангуп пленных, паша сам обыскивал их и забирал себе все ценное.

Среди узников Мангупа в каменном склепе на мысе Дырявом, окруженном с трех сторон пропастью, томился казак-

запорожец. Турки надеялись получить за него большой выкуп.

Часто паша вызывал к себе пленника и заставлял его рассказывать о странах, где тот побывал, о походах и битвах. Любил паша такие рассказы. А еще пуще любил он слушать о золоте, о драгоценных камнях и дорогих тканях, которые довелось увидеть казаку. Тогда глаза паша загорались жадностью. Он забывал обо всем на свете и в грезах видел себя обладателем несметных сокровищ.

Однажды в вечерний час паша вызвал к себе пленного казака, чтобы послушать его очередной рассказ.

— Ослабь мои кандалы, дай мне размять немного руки и ноги, — попросил казак. — Хочу рассказать тебе быль о кладе, который спрятали когда-то здесь казаки. Молчал я все время о нем, да вижу — хороший ты человек.

И стал рассказывать казак, да так, как никогда не говорил. Лилась его неторопливая речь о том, как пленные казаки пронесли много золота с собой в крепость, как сумели его спрятать в какой-то пещере. Можно эту пещеру найти, если хорошенько поискать.

Смотрел казак прямо в глаза паше, смотрел — завораживал. И вот уже потускнели глаза турка, смежились веки. Уснул свирепый властелин.

Спит он и видит сон, будто стоит в обширном подземелье. Присматривается он внимательнее и в свете, падающем из небольших отдушин, узнает каземат в глубоких подвалах Мангула, куда турки бросали самых стойких своих противников. Зачем же он сюда спустился? Ах, ведь об этом каземате говорил пленник! Тут где-то и клад спрятан. Где же богатство, которым насытится он на всю жизнь? Надо искать!

Медленно ступал паша по неровному полу, приглядывался к каждому бугорку, каждой расщелине. И вдруг в одном месте заметил, будто что-то сверкает. Стал копать — и выгреб из ямы груды золота. Кольца, браслеты, золотые денежки... Сидел паша у мерцающего металла, трясся в лихорадке от радости. Правду сказал казак, добрый человек! Истинную правду!

Вдруг услышал он голос. Испуганный, поднял глаза и увидел перед собой женщину неопишуемой красоты. Потупя взор, красавица сказала:

— Ты хочешь овладеть моими сокровищами, но я их берегу для того, кто пожелает стать моим мужем.

Паша смотрел на нее разгорающимся взором.

— Не я ли твой суженый, прекрасная женщина? — спросил он.

— Тогда дай клятву, что ты соединишься со мной, — и золото твое! — ответила женщина.

— Клянусь! — сказал аша и хотел схватить ее руку, но наткнулся на камень. В подземелье раздался шум шагов и замер вдали.

Турок проснулся.

Пленника не было. На земле валялись его цепи. Бежал казак. Паша не стал преследовать беглеца, так поверил он его рассказу.

С той поры турок потерял покой. Он обыскал все казематы во всех подземельях крепости, но, нигде ничего не обнаружил. Тогда он стал обыскивать окрестности. Золото и драгоценности мерещились ему днем и ночью. Он лазил по скалам, забирался в ущелья, в пещеры. Но золота нигде не находил.

Однажды паша взобрался на скалу,

увидел там какую-то расщелину, попытался к ней подобраться, но сорвался и рухнул вниз. Там нашел он свою смерть.

Окрестные жители говорят, что жадный турок не сам упал, а был затянут в пропасть злым духом, живущим в подземельях Мангупа.

И еще говорят, что душа турка будет долго бродить возле Мангупа, высматривая вход в завешанное подземелье, где хранится казачий клад. Жадная душа не успокоится, пока сгег времени не сотрет ее с лица земли.

Часто раздается в скалах Мангупа оглушительный хохот: то, говорят, удалой казак, веселая душа, смеется над одураченным турком.

ДИВА, МОНАХ И КОШКА

В те далекие времена, когда Южный берег был покрыт дремучим лесом, среди безлюдных скал Симеиза появился отшельник. Долго не знали, кто он. Однако людская молва все-таки принесла рассказы о его жизни. Много страшного было занесено в книгу дней этого человека.

Беспощадный и жестокий воин, он долгие годы огнем и мечом опустошал многие страны, разорял города, жег селения, усеивая свой путь десятками трупов беззащитных стариков, детей и женщин. Особенно много было на его совести деву-

шек; их захватывал он и себе на утеху и для продажи в неволю.

Ужасные видения долго мучили этого человека. Жертвы его злодеяний проносились перед ним чередой, взывая к возмездию.

Решил искупить этот злодей вину перед своими жертвами. Разыскал он в скалах Симеиза пещеру и поселился в ней. Питался одними дикими плодами, лишь иногда позволял себе съесть немного рыбы, которую ловил в море. Надеялся изнурить себя постом так, чтобы не было сил даже вспоминать.

Прошли годы. В конце концов люди забыли прошлое отшельника. Новое поколение знало его как человека чистой жизни. В народе прослыл он мудрым. Пастухам, которые встречали иногда отшельника, казалось, что вокруг его головы светило сияние, а это они считали знаком необычайной праведности человека.

Редко подходили люди к пещере отшельника. Не любил он людей: напоминали они ему о прошлом.

За долгие годы одиночества многое из своей прошлой жизни старик, наконец, и сам забыл. Забыл и стал считать, что он

всегда был праведником, что никогда никаких преступлений не совершал и никакого раскаяния перед людьми испытывать не должен. Проникся он гордостью великой и все чаще смотрел на людей, как на существа низкие, порочные, не равня ему, праведнику.

— Где же справедливость?! — возмутились черти. — Этот грабитель, насильник и убийца считает себя святым? Да он же наш человек! Мы его живо на чистую воду выведем.

Начали черти искать какую-нибудь старую склонность в старике. Не могли найти: далеко спрятал тот свою былую алчность, жестокость, развращенность. Долго обдумывали, как же подступить к его душе. И придумали.

Обернулся дьявол кошкой. В ненастную ночь стал царапаться в дверь пещеры отшельника и жалобно мяукать. Сжался старик, пустил кошку в тепло.

И прижилась кошка в пещере. Днем спала, по ночам охотилась, а по вечерам у огня мурлыкала свои песни. Рисовали эти песни отшельнику картины тихой жизни у очага, в кругу детей и близких. Разъярился старик. В его ожесточенном

сердце никогда раньше не было места для таких человеческих радостей, ненавистным были они ему и теперь. Схватил старец кошку за хвост и вышвырнул из пещеры...

Засмеялся дьявол от удовольствия, заставил отшельника показать свою истинную душу.

Обернулся дьявол красивой девушкой. И когда однажды старик закинул сеть в море, чтобы наловить рыбы, дьявол юркнул в нее. Вытащил отшельник сеть на берег, а в ней девушка, едва прикрытая остатками одежды. Лежит с закрытыми глазами, свежа, обольстительна. Изумился такому диву старик, кинулся к девушке, стал приводить ее в чувство.

Вздохнула красавица, приоткрыла глаза, ласково посмотрела на отшельника. Улыбнулся он девушке, присел возле нее. Хотел расспросить, кто она и как попала в сети. А девушка вскинула руки на его плечи и крепко поцеловала в губы. Проснулось в отшельнике прошлое. Жадно привлек он красавицу к себе.

Засмеялось чертячье племя от удовольствия. Гроном прокатился над побережьем этот злорадный смех.

Но не стерпели добрые силы мира над-

ругательства над тем, что свято для рода человеческого: над семейным очагом и чистой любовью. Не могли больше стерпеть обман, который сеял отшельник. И в наказание превратили всех трех в камень...

И с той поры стоит у моря скала Дива, не спускает глаз с нее скала Монах, а за ними, словно сторожит их, гора Кошка.

КАМНИ МАТЬ И ДОЧЬ

Есть на Каче камни. Посмотришь—задумаешься. Человек—не человек высекал, как же получились такие? И хотя все видят — камни, а называют, как людей.

И вот что рассказывают о них.

Жила в деревне девушка, звали ее Зюлейка. Хорошая девушка. Всем она взяла: и красотой, и сердцем добрым, и умом ясным. О хорошем незачем долго рассказывать, хорошее само умеет говорить, только увидеть надо.

О глазах можно сказать — хорошие были глаза. А какие хорошие? А вот какие:

если на базаре на какого-нибудь мужчину посмотрит, то драка начинается. Каждый говорит: на меня посмотрела. Так дерутся, ни покупать, ни продавать нельзя. Зюлейка поэтому и на базар не часто ездила, боялась.

А что сказать о ее губах... Кто видел вишню, когда она зреет, не тогда, когда уже темная, а когда только зреет, тот и видел губы Зюлейки.

А что сказать о ее щеках... Идет она по дороге, а куст шиповника цветет, и закроется он весь, от зависти померкнет, чахнуть начинает.

А что сказать о ресницах... Если на ресницы пшеницу насыпать, а Зюлейка глаза поднимет, на голову зерна взлетят.

А косы у Зюлейки черные, мягкие, длинные. И вся Зюлейка высокая, тонкая, но крепкая, ноги легко ее несли.

Жила Зюлейка с матерью, бедною вдовою. Никого у них не было — ни брата, ни дяди.

Большая мастерица была Зюлейка, вместе с матерью холсты ткала. Холсты длинные-предлинные: вдоль пойдешь — устанешь, и тонкие-тонкие: будешь лицо вытирать — будто лучом света прикоснешься.

Много надо холста ткать, чтобы жить. Много надо белить полотна в речке. А воды где взять? Воды в Каче мало: день бежит — два дня не показывается. Зюлейка была хитрая девушка. Песню за- поет — вода остановится, слушать хочет, как девушка пост. А внизу все ругаются— воды нет.

А она поет да белит, поет да белит, а кончит — домой пойдет. Воде стоять больше нечего, скорее побежит дальше, все ломает, ничто ее не удержит. Люди говорят—наводнение. Неправда, это Зюлейка песни кончила петь. Вся вода, что слушала ее, заторопилась дальше по своей дороге.

Хорошая девушка была Зюлейка, умелая, веселая, певучая.

А жил в долине далеко от Зюлейки грозный Топал-бей. Его мрачный замок стоял на скале, охраняли его свирепые стражи. Но ничем не был так страшен бей, как своими двумя сыновьями.

Когда родились они, бабушка, которая их принимала, застонала, пожалела бедную мать:

— Что у тебя случилось, словами не рассказать! У тебя два мальчика роди-

лись. Радоваться надо, только ты плачь: у обоих сердца нет.

Мать засмеялась. Чтобы ее дети остались без сердца? А она зачем?

— Я возьму свое сердце отдам по половинке. Материнское сердце не такое, как у всех, пополам на двоих хватит.

Так и сделала. Да ошиблась мать. Плохими росли дети, всегда ругались, спорили, за ножи хватались. Росли жадными, ленивыми, лукавыми.

Кто больше всех дрался? Дети бея. Кто больше всех пакостил? Дети бея. А мать их баловала, самые лучшие шубы, самые лучшие шапки, самые лучшие сапоги на них надевала. Но они всегда были недовольны.

Подросли братья, бей послал их в кровавые набеги. Несколько лет гуляли они по далеким местам, домой не возвращались. Только караваны с награбленным добром отцу посылали, отцовское сердце радовали.

Приехали, наконец, домой сыновья Топал-бей. Не только на руках, на сердцах у них кровь запеклась. Научились страшным играм — в людей стрелять, пленных убивать.

Затрепетало все кругом в страхе. Темными ночами рыскали братья по деревням, врываются в дома поселян, уносили с собой все дорогое, уводили девушек. И ни одна из них не выходила живой из замка Топал-бея.

Ехали братья с охоты через деревню Зюлейки, увидели ее и решили каждый: моя будет!

— Молчи ты, кривоногий! — закричал один.

— Ну что ж, что кривоногий, — ответил второй, — зато я на два крика раньше тебя родился.

Разъярились братья, кинулись друг на друга. Да отошли вовремя. И сказал один другому: кто раньше схватит ее, того и будет.

Следили братья, как хищные звери, что каждый делает. И пошли оба в деревню девушки. Шли не так, как хороший человек идет. Хороший человек идет — поет: пусть все люди о нем знают. А эти шли, как воры, тихо ползли, чтоб никто не видел.

Пришли к хижине Зюлейки. Нет там мужчин, защищать девушку некому. Каждый свой дом смотрит, а у Зюлейки нет ни брата, ни дяди.

Слышит девушка, в окно лезут. Она матери крикнула и в дверь выбежала. Ей бы по деревне бежать, а она по дороге бежит, и мать за нею.

Наконец устала Зюлейка, говорит матери:

— Ой, ой, мама, боюсь. Нет спасения нам!

Мать ей говорит:

— Беги, девочка, беги. И не бойся, дитя.

Еще дальше бежит, ноги совсем устали. А братья близко, вот они уже за спиной, оба схватили разом, с двух сторон тянут, рвут девушку. Закричала она:

— Не хочу быть в руках злого человека. Пусть лучше камнем на дорогу лягу. И вам, проклятым, окаменеть за ваше зло.

Крепкое слово было у девушки, у чистой души. Стала она в землю вращать, камнем становиться. И два брата возле нее легли обломками скал.

А мать за ними бежала, сердце в груди держала, чтоб не вырвалось. Подбежала, увидела, как Зюлейка и братья-звери в камень одеваются, сказала:

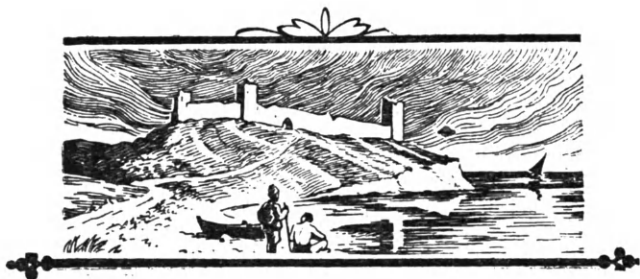
— Хочу всю жизнь на этот камень смотреть, дочку свою видеть.

И такое крепкое слово было у матери, что как упала она на землю, так тоже камнем стала.

И так стоят они до сих пор в долине Качи.

А все сказанное — одна правда. Люди часто подходят к камням, прислушиваются. И тот, у кого сердце чистое, слышит, как мать плачет...

ДЛИННАЯ КРЕПОСТЬ

Вот послушайте, что произошло в керченской степи много лет тому назад. Уже тогда Крым славился своей пшеницей. За хорошей и дешевой крымской пшеницей приезжали из Великой Руси и из далеких заморских стран.

Однажды на Крымском полуострове появился купец по прозвищу Золотой Слон. Не напрасно, видать, люди купца так прозвали. Сам он был роста громадного, руки и ноги толстые, как у слона, а нос длинный, словно хобот. Сундуки его были

набиты золотом, накопленным за долгие годы стяжательств.

Походил Золотой Слон по степи, посмотрел, как люди живут, послушал, что говорят, и начал на берегу Азовского моря какое-то здание строить. Тысяча бедняков работала на каменоломнях, другая тысяча подвозила их к месту стройки, а еще одна тысяча укладывала эти камни в стены.

Здание росло изо дня в день и принимало такие огромные размеры, что люди удивляться стали: зачем, мол, купцу такое большое, такое длинное? Зачем высокие стены и башни с бойницами? От кого обороняться задумал?

— Жить здесь буду, торговать буду, помещение большое надо, — отвечал купец любопытным. — А что стены высокие да башни грозные, — люблю спать спокойно.

Три года спустя крепость, которую люди прозвали Длинною, была, наконец, построена.

Золотсй Слон нанял вооруженную охрану и начал свозить туда зерно. Он скупал его у местных жителей за небольшие деньги, а часто выманивал и без денег.

Он дрожал над каждой копейкой, над каждым зернышком.

Шли годы. Амбары Длинной крепости уже были наполнены миллионами четвертей хорошо высушенной пшеницы. А жадный купец все покупал ее и покупал. Хлеб повышался в цене.

Однажды по Крыму странствовал какой-то путешественник. Шел он, говорят, из Великой Руси, северной страны, в Индию, южную страну. Повстречал он у Длинной крепости Золотого Слона и спрашивает:

— Правда ли, что это сооружение наполнено потом народным со слезами пополам?

— О странник божий, — смиренно отвечал купец, — народ любит слухи разные пускать. А ты спроси: насильничал я над кем? Отнял ли у кого что-нибудь? Нет. Люди сами мне несут.

— Но зачем тебе столько?

— Торговать буду, на то я и купец.

— Недоброе дело ты, видать, задумал, — покачал головой путешественник. — Смотри, как бы не просчитался.

И вот наступил неурожайный год, которого с нетерпением ждал Золотой Слон.

На желтой, выгоревшей крымской степи нельзя было увидеть ни одной копны пшеницы, ни одного стога сена. Звери уходили в другие края, птицы со зловещими криками улетали. Ревели домашние животные. А люди с надеждой обращали свои взоры к замку купца и говорили:

— Он не даст погибнуть с голоду нам и детям нашим.

А Золотой Слон, усилив вооруженную охрану, поджидал уже покупателей. Прежде всех к нему обратились горожане. Он назначил неслыханно высокие цены: по пятьдесят червонцев за четверть. С проклятием платили горожане такие бешеные деньги. Затем к купцу приехали заморские торговые люди. А в заключение начали являться бедные хлебопашцы, у которых Золотой Слон когда-то покупал мешок пшеницы за пучок вяленой рыбы.

Люди, не имевшие денег, умоляли богача одолжить им хоть по одной четверти зерна с тем, что они в будущем привезут ему по десяти четвертей.

— Спасибо вам, — нагло отвечал купец. — Не для того я десять лет соби-

рал зерно, чтобы на зерно его выменивать. Давайте червонцы!

Все больше и больше становилось голодающих, все чаще и чаще они обращались к Золотому Слону с просьбой дать им хлеба. Но неумолим был купец. И люди сотнями гибли здесь же, у Длинной крепости, за стенами которой лежало столько хлеба, что его хватило бы прокормить целые города и страны.

К тому времени возвращался из далеких стран русский путешественник. Увидел он сожженную солнцем степь, увидел тысячные толпы у стен крепости и все понял. И решил он помочь несчастным труженикам, которые умирали от голода, но не смели взять хлеб, лежавший рядом.

— Люди! — громко сказал путешественник, взобравшись на камень. — Подумайте, кого вы просите, кого умоляете? Разве вы не знаете Золотого Слона? Да ведь он всю свою жизнь готовился к этому злодеянию! Не даст он вам хлеба, не ждите и не надейтесь. А пока у вас есть еще силы — берите хлеб силой. Он ваш. Этот хлеб. Вы взрастили его своими руками. Берите же, не бойтесь, вас много, а он один...

— Правда твоя, человек хороший! — прокатилось по степи.

И хлынули на Длинную крепость толпы голодных. Не выдержали толстые стены, не помогли высокие башни с бойницами. Стража, побросав оружие, в страхе разбежалась, а Золотой Слон хотел спрятаться от народной мести, зарылся с головой в пшеницу да там и задохнулся.

На том месте, где была Длинная крепость, остались только развалины, которые свидетельствуют об алчности человеческой и о великих силах, таящихся в народе.

ПИСЬМЕНА НА КАМНЕ БЛИЗ НИКИТЫ

В небольшой греческой деревушке Массандра, неподалеку от Никиты, некогда жили семь братьев и восьмая сестра Мария. Они рано осиротели, сами вели свое хозяйство, жили очень дружно и во всем подчинялись старшему брату Константину. Все юноши, как на подбор, были рослыми, статными парнями. Они боготворили свою сестру, которая в шестнадцать лет превратилась в замечательную красавицу. У Марии были пышные золотые волосы, заплетенные в две толстые косы. Когда она смеялась, открывались ровные

красивые, словно жемчужные, зубы. Гибкой и стройной была фигура девушки.

Не только братья любили девушку. Она была любима всеми жителями за веселый и общительный нрав, за звонкие песни, которые она пела, хлопоча по хозяйству или поджидая братьев с поля.

Немало юношей тайно вздыхали о Марии. Однако она никому не оказывала предпочтения.

Но вскоре счастливая и спокойная жизнь Марии и ее братьев была нарушена.

Однажды под вечер Мария пошла к источнику набрать воды. Наполнив кувшин холодной влагой, она направилась по тропинке и вдруг услышала позади себя конский топот. Оглянувшись, девушка увидела всадника — важного и богато одетого турка, который попросил у нее напиться. Подав ему кувшин, Мария стояла, потупив взор, чувствуя на себе тяжелый взгляд всадника, отчего сердце ее сжалось тревожным предчувствием. Узнав, кто она, турок направился вслед за ней к дому, где был принят братьями с подобающим радушием и гостеприимством.

На другой день гость, оказавшийся турецким пашой, заявил, что имеет намерение отправить Марию в Стамбул.

— Для какой надобности? — спросил Константин.

Паша надменно ответил:

— Султан оказывает вам честь, желая принять сестру вашу в свой гарем. Вы все будете достаточно награждены нашим повелителем.

Придя в негодование, юноша вскипел, выхватил кинжал, вонзил его турку в грудь и выбежал во двор. Там он рассказал остальным братьям и односельчанам о своей расправе с пашой. Посоветовавшись, что делать дальше, все решили: братья и Мария должны укрыться в горах, в случае необходимости молодежь придет им на помощь.

В тот же день семья перешла к подножию скалы, в глухое место, куда, казалось, и птица не залетала. Чтобы еще лучше укрепить это место, братья с помощью односельчан выкопали глубокий ров и обложили свое убежище толстой каменной стеной.

Несколько дней спустя турки узнали об убийстве в Массандре паши, посланного в

Крым для пополнения султанского гарема молодыми красавицами. Они направили в селение отряд янычар, чтобы схватить виновных и доставить их в Кафу. Узнали об этом жители Массандры и поспешили уйти в леса. А молодежь, способная носить оружие, присоединилась к семи братьям.

Несколько татар, хорошо знакомых с местностью, указали туркам, где укрывались братья. Вскоре янычары подошли к укреплению. На предложение начальника отряда сдаться и выдать Марию братья и их товарищи ответили градом камней и стрел.

Константин видел, что силы не равны. Но братья решили защищать сестру и свою жизнь до последнего вздоха. Молодежь поклялась биться вместе с ними.

Турки готовились к приступу. Обнажив сабли, осажденные ждали врагов. Константин подозревал Марию и сказал ей, чтобы она укрылась в надежном месте. Плача, обнимала девушка своих любимых братьев и просила позволить ей остаться, чтобы разделить общую участь.

В это время янычары с дикими криками кинулись на приступ. Братья с друзьями

беспощадно рубили, кололи и сбрасывали врагов в ров. Но вот уже один из братьев, взмахнув руками, замертво свалился на камни, вот над другим занес свою кривую саблю громадного роста янычар. Но подоспевший на выручку самый младший брат кинулся на турка и вонзил ему кинжал в грудь по самую рукоятку. Оба покатились в ров.

Встретив такое беспримерное сопротивление, турки отступили, притащили небольшую пушку и стали стрелять по укреплению. Тогда осажденные пошли на вылазку. Бились они до тех пор, пока не погибли все.

Слезамι обливалась Мария; видя смерть своих милых братьев и их друзей, а когда последним пал Константин, Мария взбежала на вершину скалы и стала проклипать турок.

Враги были поражены появлением девушки такой необыкновенной красоты. Начальник янычар приказал схватить ее. Но прежде чем вражья рука коснулась ее одежды, Мария лежала мертвой у подножия скалы...

Прошли годы, и жители деревушки тайком описали подвиг семи братьев и их

сестры на скале, — там где все это случилось. А чтобы враги — татары и турки — не знали, что рассказано в надписи, они применили свои древнейшие знаки письма. Много ученых пыталось разгадать письмена на камне, но безуспешно.

А спросили бы народ — и народ все раскрыл бы...

ФОНТАН СЛЕЗ

Свиреп и грозен был хан Крым-Гирей. Никого он не щадил и никого не жалел. Сильный был хан, но сила его уступала жестокости. К трону пришел кровожадный Крым-Гирей через горы трупов. Он приказал вырезать всех мальчиков своего рода, даже самых маленьких, кто был ростом не выше колесной чеки, чтобы никто не помышлял о власти пока он, хан, жив.

Когда набеги совершал Крым-Гирей, земля горела, пепел оставался. Никакие жалобы и слезы не трогали его сердца, он

упивался кровью своих жертв. Трепетали люди, страх бежал впереди имени его.

— Ну и пусть бежит, — говорил хан, — это хорошо, если бояться...

Власть и слава заменяли ему все — и любовь, и ласку. И даже деньги не любил он так, как славу и власть.

Какой ни есть человек, а без сердца не бывает. Пусть оно каменное, пусть железное. Постучись в камень — камень отзовется. Постучишь в железо — железо прозвенит. А в народе говорили — у Крым-Гирея нет сердца. Вместо сердца у него — комок шерсти. Постучишь в комок шерсти — какой ответ получишь? Разве услышит такое сердце? Оно молчит, не отзывается.

Но приходит закат человека, постарел некогда молодой хан. Ослабело сердце хана, и вошла в него любовь. И поросшее шерстью сердце стало совсем человеческим. Голое. Простое.

Однажды в гарем к старому хану привезли невольницу, маленькую худенькую девочку. Деляре ее звали. Привез ее главный евнух, показал Крым-Гирею, даже зачмокал от восхищения, расхваливая невольницу.

Деляре не согрела лаской и любовью старого хана, а все равно полюбил ее Крым-Гирей. И впервые за долгую жизнь свою он почувствовал, что сердце болеть может, страдать может, радоваться может, что сердце — живое.

Недолго прожила Деляре. Зачахла в неволе, как нежный цветок, лишенный солнца.

На закате дней своих любить мужчине очень трудно. От этой любви сердцу всегда больно. А когда любимая уходит из жизни, сердце плачет кровью. Понял хан, как трудно бывает человеческому сердцу. Трудно стало великому хану, как простому человеку.

Вызвал Крым-Гирей мастера иранца Омера и сказал ему:

— Сделай так, чтобы камень через века пронёс мое горе, чтобы камень заплакал, как плачет мужское сердце.

Спросил его мастер:

— Хороша была девушка?

— Мало что знаешь ты об этой женщине, — ответил хан. — Она была молода. Она была прекрасна, как солнце, изящна, как лань, кротка, как голубь, добра, как мать, нежна, как утро, ласкова, как дитя.

Долго слушал Омер и думал: как из камня сделать слезу человеческую?

— Из камня что выдавишь? — сказал он хану. — Молчит камень. Но если твое сердце заплакало, заплачет и камень. Если есть душа в тебе, должна быть душа и в камне. Ты хочешь слезу свою на камень перенести? Хорошо, я сделаю. Камень заплачет. Он расскажет и о моем горе. О горе мастера Омера. Люди узнают, какими бывают мужские слезы. Я скажу тебе правду. Ты отнял у меня все, чем душа была жива. Землю родную, семью, имя, честь. Моих слез никто не видел. Я плакал кровью сердца. Теперь эти слезы увидят. Каменные слезы увидят. Это будут жгучие слезы мужские. О твоей любви и моей жизни.

На мраморной плите вырезал Омер лепесток цветка один, другой... А в середине цветка высек глаз человеческий, из него должна была упасть на грудь камня тяжелая мужская слеза, чтобы жечь ее день и ночь, не переставая, годы, века. Чтобы слеза набегала в человеческом глазу и медленно-медленно катилась, как по щекам и груди, из чашечки в чашечку.

И еще вырезал Омер улитку — символ

сомнения. Знал он, что сомнение гложет душу хана: зачем нужна была ему вся его жизнь — веселье и грусть, любовь и ненависть, все человеческие чувства?

Стоит до сих пор фонтан в Бахчисарайском дворце и плачет, плачет день и ночь..

Так пронес Омер через века любовь и горе: жизнь и смерть юной Деляре, свои страдания и слезы...

ГОРА ДВУХ УДОДОВ — ОПУК

В той местности, где высится гора Опук, было в древности большое богатое селение. Жили в нем кроткие, скромные и трудолюбивые люди, которые не знали, что такое насилие, и считали за тяжкое преступление угнетать кого-либо.

Однажды недалеко от селения потонул во время бури какой-то корабль. Из всех находившихся на корабле спаслись только две женщины. Их подобрала добросердечные поселяне и приютили у себя. Они выстроили женщинам дом, поставили в нем все, что полагается, подарили каждой

по овце и стали заботиться о чужестранках, как о родных дочерях. Старшую звали именем, которое произносилось, как звук О, а младшую — Пука. А так как они были неразлучны и всюду появлялись вместе, то их называли не иначе, как О-Пука.

Женщинам все в селении казалось странным и удивительным. Попали они сюда из страны, где жители были жадны и завистливы, где каждый старался захватить себе побольше земли, скота, построек. Женщины знали только такую жизнь.

Прожив несколько месяцев тихо и скромно, они стали тяготиться таким необычным для них порядком. Желание господствовать с каждым днем все сильнее и сильнее овладевало ими. И женщины мало-помалу начали приводить его в исполнение.

Действовали они осторожно и коварно. Сначала они начали вмешиваться в семейную жизнь поселян, затем попробовали влиять на ведение общественных дел. В конце концов они возбудили у некоторых жителей общины дотоле неведомые чувства — алчность, честолюбие. Прибли-

зив к себе таких людей, женщины образовали из них свою свиту. Эта свита держала в страхе население.

Все стали замечать, как меркла, тускнела день ото дня красота чужестранок. И они заметили это. Тогда женщины принялись наряжаться в немыслимо пестрые платья, которые называли мантиями, натирать себя благовонными мазями, румяниться. На головы они надели особенные уборы, гордо именуя их коронами. Царицы, говорили они, должны быть нарядными.

Простосердечные поселяне молча сносили тяготы новой власти. Но О и Пуке казалось мало достигнутого. Они приказали изготовить и выставить на площади свои каменные изображения и требовали поклонения им, как богам. Вблизи изваяний были построены высокие кресла—троны. По утрам царицы усаживались на троны, а согнанный на площадь народ опускался перед ними на колени. Вид поверженных людей наполнял радостью сердца чужеземок. А в дни новолуния у каменных истуканов приносили в жертву какое-либо животное.

Многие жители уходили из родных мест

и искали прибежища у соседних народов, Пустел посёлок, становилась бесплодной земля, разрушались жилища.

Путешествовал в это время по Крыму восточный мудрец. Он посвятил себя изучению жизни, помогал людям разумным словом. Горела в его сердце большая любовь к человеческому роду, и думал он только о том, как сделать людей счастливыми.

Чем ближе подходил мудрый старец к поселку скромных и кротких тружеников, тем больше узнавал об их ужасной судьбе.

Вот он и в поселке. Со всех сторон идут к нему люди с жалобами.

— Когда от вас снова потребуют жертвоприношения? — спросил старец.

— В новолуние, — ответили ему.

— В этот день вы будете избавлены навсегда от злых существ.

День новолуния совпадал с годовщиной захвата власти чужеземками. На площадь согнали всех взрослых и детей. В нелепых пестрых нарядах появились царицы. Не ведая, что творится в душах собравшихся, О и Пука перед жертвоприношением сказали:

— Кто пожертвует собой для прославления нашего имени и великих дел?

При этих словах все оцепенело от ужаса. Молчали, опустив головы.

— В таком случае пусть решит жребий, кто достоин стать жертвой — сказала старшая и велела молодым людям отойти от пожилых. — И вместо одной жертвы восславят нас две...

В эту минуту появился в толпе мудрый старец. Смело подошел он к тронам, снял с плеч котомку и громко сказал:

— Ничтожные существа! Эти люди дали вам приют и пищу. А вы, зараженные ненасытным властолюбием, поработили их. Вы заставили поклоняться своим изображениям, обездолили жизнь покорных людей, а теперь требуете их крови! Неблагодарные! Вы вообразили, что терпению этих тружеников не будет конца и что не найдется никого, кто сумел бы наказать вас. Ошибаетесь! — гремел голос старика.

— Это что за комар жужжит у наших ног? — крикнула, вскочив младшая.

— А вот узнаешь, — повысил голос старик и обратился к поселянам. — Какому наказанию подвергнуть дерзких?

— Делай с ними, что хочешь, только избавь нас от этих хищных птиц! — кричал народ.

— Эй, слуги! — позвала старшая. — Хватайте подлого старика!

— Не трсгайтесь с места! — голос старца разнесся вокруг громовыми раскатами. Подняв руки к потемневшему небу, старец произнес: — Проклинаю вас, ничтожные твари, и да превратитесь вы в птиц, на которых вы похожи. А троны ваши да превратятся в скалу!

В этих словах будто соединились вся ненависть и презрение жителей поселка к наглым честолюбицам. Не успел старец замолкнуть, как заколыхалась земля и перед расступившимся народом поднялась из нее скала, на вершине которой сидели две птицы. У них были перья пестрые, словно одежды исчезнувших женщин, а на головах поднимались гребни, наподобие царских корон. Прижавшись друг к другу, птицы неистово кричали:

— О-пук! О-пук!

Так кричат удоды, и печален их крик, как печальна судьба низвергнутых цариц, ожесточивших народ.

С той поры и называется эта гора

Опук. На ней постоянно живут два удода, две самки. Живут они сотни лет, но не могут дать племени от себя, потому что потомству от существ, которыми они были когда-то, не должно быть места на земле.

А вскоре недалеко от берега, на том месте, где когда-то потонуло судно, поднялись со дна моря два больших камня, очертаниями похожих на корабли.

Эти камни-корабли напоминают жителям поселка об опасности, какой грозит заморская страна. Пусть не забывают, что оттуда могут попасть к ним нелюди и принести горе.

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ В СУДАКЕ

На склонах высокой скалистой горы в Судаке видны остатки крепости. До сих пор сохранились стены и оборонительные башни, увенчанные зубцами, храм и замок, где жили в средневековой Сугдее генуэзские консулы.

На самой вершине горы стоит одинокая башня. К ней ведет крутая тропинка со следами выбитых в скале ступенек.

Говорят, что в те древние времена, когда этой местностью владели еще греки, башня уже существовала и в ней жила

дочь архонта, гордая красавица, равной которой не было в Тавриде.

Говорят, Диофант, лучший полководец Митридата, царя Понтийского, тщетно добивался ее руки, а местная знатная молодежь не смела поднять на нее глаза.

Никто не знал, что девушка уже любила — любила простого деревенского пастуха.

И вот как это случилось.

Любимая прислужница дочери архонта сорвалась с кручи и погибла. По обычаю, несчастную девушку похоронили там, где она умерла, и на могильной плите сделали углубление, чтобы в нем собиралась роса, а птицы утоляя жажду, порхали над могилой и пели умершей свои песни.

Однажды дочь архонта пошла на могилу своей рабыни покормить птиц и увидела там пастуха. Юноша сидел, задумавшись. Красивое смуглое лицо его выражало грусть, а пышные кудри рассыпались по плечам и шевелились под ветром.

Знатная девушка спросила юношу, кто он, откуда родом.

— Как видишь — пастух, а родом... Мать нашла меня в огороде.

Она улыбнулась.

— А почему ты грустный?

— Потому, что некому смотреть на меня.

И засмеялся, да так хорошо, что ей показалось, будто никто никогда так не смеялся.

Болтая, они не заметили, как бежало время. Обоим было легко и радостно и ничто не напоминало, что она — дочь архонта, а он — пастух. Разве для сердец это важно?

С тех пор только мечтами о пастухе и жила прекрасная девушка, а пастух считал, что среди богов и людей не было его счастливей.

Но как-то увидели их вместе и донесли об этом архонту. Приказал архонт схватить пастуха и бросить его в каменный колодец, холодный и тесный, как могила.

Прошло несколько дней, пока узнала обезумевшая от горя девушка, где ее возлюбленный. Лаской, подкупом, хитростью она сумела освободить узника из темницы и привести к себе.

Без сознания лежал пастух в комнате девушки, когда открылась дверь и вошел архонт. Он гневно поднял руку, хотел что-то сказать людям, которые пришли с

ним, но, увидев смертельно бледную дочь, ее горящий решимостью взгляд, отступил. Легкая усмешка скользнула по его лицу.

— Позовите лекаря, — велел он.

Когда пришел врач, архонт сказал ему громко, чтобы все слышали:

— Я не хочу омрачать печалью добрые чувства моей дочери. Ты должен спасти его ради ее счастья.

И юноша был спасен.

Но архонт вовсе не думал согласиться с выбором дочери. Один вид пастуха вызывал в нем глубокую злобу. Он решил хитростью разъединить их, а затем как можно быстрее выдать дочь замуж.

Вскоре уходил корабль в Милет. С этим кораблем архонт хотел отправить пастуха в Грецию якобы с важным поручением.

Архонт велел юноше готовиться в путь.

— Через год, — сказал он дочери, — корабль вернется назад. Если твой возлюбленный не изменит тебе, ты увидишь на мачте белый знак. И тогда я не буду противиться твоему счастью. Но если на корабле не будет этого знака, ты не должна отчаиваться: значит, он недостоин те-

бя. И ты должна будешь согласиться, чтобы твоим мужем стал Диофант.

А мореходам архонт приказал умертвить пастуха по дороге в Милет.

Для девушки потянулись серые дни.

Все свое время проводила дочь архонта в башне и только изредка спускалась к могиле, где впервые встретила пастуха.

Прошел год.

Все тревожнее становилась девушка, все чаще выходила смотреть, не появился ли корабль с белым знаком.

Однажды все население города собралось на пристани: прибыл корабль из далекого Милета. Но ожидаемого знака дочь архонта не увидела на мачте.

Позвала она рабынь и велела подать себе самую лучшую тунику и диадему из сапфира и опала. Была она бледна и, как никогда, красива.

Девушка поднялась на вершину башни, туда, где ее опоясывают зубцы.

— Позовите Диофанта, — попросила она.

Вскоре на вершину башни взбежал влюбленный полководец и кинулся к дочери архонта. Она остановила его жестом.

— Ты домогался меня, не спрашивая,

нужен ли ты мне,— сказала она.—
А ты ведь знал, что я люблю другого —
пастуха, который погиб где-то или убит.
Что же ты хотел взять у меня, если тебе
не нужно было мое сердце? Я должна
была стать твоей наложницей, называясь
женой. Ничтожные люди и ты, и отец
мой! Вы не знаете, что такое сердце и
любовь. А я покажу вам.

Дочь архонта быстро подошла к про-
свету между зубцами и бросилась вниз.

С той поры башню на скале называют
Девичьей.

ОКСАНА

Оксана, Оксаночка, гей-гей, хороша дивчина... Что говорить — красивая! Много слов красота эта не требует. О красоте не языком говори, глазами смотри. А глаза всегда подскажут. Да что тут подсказывать? И так видно...

Гей-гей, Оксана, Оксаночка, статная, сильная. Никто не мог сказать, что видел хоть раз слезы на глазах Оксаны. Слезы — это для слабеньких.

Черноусые казаки не вдруг заговаривали с ней. Не то чтобы побаивались, но были осторожны. Куда девался металл в

голосе казаков. Голос мягчал, становился вкрадчивым.

Жила одна — как облачко белое. Оконца промытые, соломенная крыша подстрижена, как челочка у коня, глечики на солнце сияют. По всему было видно — не касались грязи руки Оксаны, грязь сама уходила из-под ловких девичьих пальцев. Что на крыше, что у плетня — она хозяйничала.

В жаркий день в селе тишина. Каждый прохлады ищет, от жары прячется. Оксана — нет. На сильных плечах коромысло несет с полотнами — белить на реку. Полотна тонкие, длинные да белые, зачем и белить их? До снежной белизны хочется довести их. Как ни прячься, дивчино, а оно видно. Видно, что тебе мерещится, Оксана, как начнешь шить-вышивать сорочки себе да милому.

Гей-гей, Оксана, Оксаночка, если бы знала ты, если бы ведала — в ту пору не пошла бы на реку полотно белить. Не пошла бы, если б знала, что беда движется из степи далекой.

Словно гром загредел. Оглянулась Оксана — небо чистое, откуда бы грому?! Но все ближе, ближе надвигалась беда.

Из далеких степей на село, лежавшее в тихом забытии, налетела орда крымская. Поднялся стон и плач, а потом пожарища.

Не вздумай, Оксана, бежать назад в село, не в те руки попадут твои полотна, не ты, не твой милый будет носить белые сорочки. Да разве одни полотна. Саму тебя грязные руки заграбастают. Так и случилось. Пригибаясь, осторожно выглядывая из-за кустов, вдруг кинулась на нее целая толпа. Ох, как отбивалась Оксана, как кусала грязные пальцы! Не кричала, нет, только стонала от бессильной ненависти. А потом, связанная сырым ремнем по рукам, захлестнутая за шею, пошла, куда потянули. Молчала. Ох, не им бы глядеть в твое лицо, Оксана, в твои глаза!

Радовались налетчики — богатый урожай им достался, много купцы дадут денег. Видит Оксана — вот пошла соседская семья. Сыновья окровавленные, избитые. Ловко охватила петля сзади, уже теперь не вырвешься. Остап — могучий, как дуб. Подходили к нему, тыкали в богатырскую грудь, причмокивали. От этого прикосновения у старого Остапа ходи-

ли желваки на щеках. Связанный, но непокоренный. А тетушка? Что она скажет, вырастившая таких сыновей? Прижала последыша — дивчинку, плетется сзади босыми ногами, слез не вытирает...

Впереди пути-дороги страшные, выжженные села, кровавые тропы. Назад оглянешься — горят хаты, горит счастье человеческое, горит честь девичья — все горит. Только одни мельницы машут своими крыльями, как будто прощаются. Скрипят телеги, везут в чужие земли полоненных, везут хлеб, потом взращенный. Экое богатство!

Шагал Остап, не мигая, глядел впереди себя, как будто там, вдали, хотел увидеть судьбу свою, свое слово ей сказать.

Вот и она, проклятая Кафа. Большой двор, обнесенный высокой стеной, большие ворота, железом окованные. Ох, сколько людей прошло через эти ворота, сколько с грустью-тоской оглянулось, когда они со скрипом закрывались. Вот теперь пойдет торг. И только бы продали одной семьей. Там и горе не горе. Там сумеет Остап всю силу передать, по частям вложить ее в каждое сердце и сыновьям и дочерям. На старуху грозно по-

глядел, чтобы духом не падала. Всех поддерживает, укроет, как дуб своими листьями, всех, под себя подберет, все на себя примет. Он силен, он могуч. И красу Оксаны — чужой сиротки — и ее мечты и думы девичьи — все защитит, только бы вместе.

Вот хозяин, а около него с бледным лицом евнух — пришли на торг. Вырвали из семьи самую тоненькую, самую чудную девочку, бесстыдно сорвали рубашонку, рассматривая девичью прелесть, не стесняясь, бессовестные. Рванулись связанные братья за сестру постоять. Ну и что ж? Упали окровавленные у ног сестры. Сила множится у старого Остапа, путы рвет. Пусть смерть, чем надругательство над плотью его.

Прикрыв самую меньшую юбкой, старушка только плакала, и слезы были мелкие. Источнику материнской скорби не хватало слез на всех.

Торг идет. Вот и вторая обнажена по грудь. Оксана даже не поморщилась, она стояла, как из камня, прекрасная в своем скорбном гневе. Так хороша, что даже у торговцев телами человеческими язык прилип к гортани. Не расхваливался этот

товар, незачем, и так видно. Такой красы еще не было. Такой силы, осанки—тоже никто не видывал.

Опасливо похаживали вокруг евнухи. Смелая, чувствовали — с этой рубашки не сорвешь. И стояла она в гневе своем так хороша, что люди, как будто желая на веки запечатлеть ее облик, закрывали глаза.

Не опуская головы, не глядя ни на кого, а обратив взор куда-то далеко-далеко, так стояла. На что она смотрела—никому не было ведомо. А было на что глядеть Оксане далеко через всю степь. И видела она того, кого хотела видеть.

Не случился в ту несчастную пору в селе Павло. Где ты, мой горицвет, казаче мой?! Пусть люди не могли сказать, где я, — кто убит, кто в полоне. Но неужели сердце казачье, неужели оно молчит, не говорит тебе ничего? Павло услышит. Павло узнает, он все равно придет. Только бы не трогали, только бы девичью честь не порушили. Ведь муки примет Павло. Какой он, знает Оксана. Знает душу своего казака. Гнев его великий, и огненные очи, и широкие плечи, и руки могучие! Знает Оксана: этот гнев поведет

его по выжженным дорогам. Только бы дождаться.

Не глядела Оксана, как все больше торг разгорался, как все более жадно горели глаза у хозяина, как потирал он руки и складывался почти вдвое, похаживал вокруг нее и только издали показывал пальцем, не трогая девушки. Не смел...

Вот и продана Оксана. Потеряла она из виду старого Остапа и всех своих. В фургоны позапихали невольников. Стали запихивать и ее. Попробовала сопротивляться — ударили. Поглядели бы, как повела плечом Оксана, когда впервые в жизни ее ударили. Больше ее не ударят. Так говорила Оксана всем видом своим. И больше ее не били.

Привезли. Чужой город, непонятный. Грязный, пыльный — как будто со всех гор смели мусор в эту яму. Только в одном месте красовался дом, какого еще не видывала Оксана. Но не проявляла она ни к чему интереса, не любопытствовала. Оставалась такою же каменно прекрасною, не поднимала глаз. Слуги привели ее в помещение, где было очень много женщин. Не понимала Оксана, зачем в

одно место столько женщин собрали, а мужиков нет.

Вдруг из-за большой двери глянули на нее глаза девичьи — синие, ясные и такие скорбные, что у Оксаны сердце как будто кто-то рукой повернул. Ох, лишенько, наша украиночка. А синие глаза неотступно преследовали ее. Так долго одними глазами и разговаривали. Одна у другой спрашивала, одна другой отвечала. Разговор был длинный и тяжкий. Ничего хорошего глаза не сказали. Никак не обнадеживали глаза черные. Поговорили, поговорили и сникли.

Подружились девушки. Много тяжкого рассказала синеглазая о гареме, о неволе.

— Почему такая белая, — спрашивала Оксана подружку, — почему солнце не ласкает никогда ее лица, почему она от него прячется?

— Ты посмотри, где сижу, шью, — отвечала синеглазая. — Вот станок, вот пол земляной, вот маленькое оконце за решеткой, вот евнух, вот еще станок. Наверное, и тебя посадят, будешь, как и я, вышивать соняшники, вспоминать Украину родную. Вот и ты, как я, будешь мечтать: поплывет чайка-лодка, и ты с ней

уплывешь далеко по Днепру домой, может, мать жива, может, батько что скажет.

Ничего не сказала Оксана. Но видно было, что она не будет шить, не будет сидеть в этой дыре, она лучше перережет себе горло, лучше разобьет голову об эти стены, она еще не знает, что сделает... Она задушит того, кто к ней прикоснется.

Не трогали Оксану евнухи и к хану не вели. Ждали, что ослабнет духом, а тело не стали портить. «Будем кормить сладко, одевать красно, неправда, сломится, не таких ломал гарем», — думали.

Но Оксана, обряженная, сидела молча. С трепетом проходили мимо нее евнухи. Просили у нее помощи все слабенькие, истощенные, сломленные. Как крепость, в гареме была Оксана. К такой не подойдешь, не крикнешь.

Шли дни — тоскливые, серые, один на другой похожие. Чем заняться Оксаночке, привыкшей к широким степным просторам, к яркому солнцу? Сколько было дарено природой и жизнью, теперь только оценила она по-настоящему. И милое сердцу родное село, и тихие вербы, чис-

тые воды и ясные звезды, девичий смех и мелодичная песня...

А Павло! Лучше бы ей о нем не думать. Это надо прятать очень глубоко, это может сломить. Украина, гей, гей, земля родная!

Но никто не видел Оксану плачущей, никогда. Какая-то огромная внутренняя сила поддерживала девушку, и она оставалась такою же непоколебимой. Как большая мать, ходила она меж полонянок, утехой им была и защитницей.

Все бывает на земле. Вдруг человек любит, вдруг ненавидит, вдруг рождается, вдруг умирает. Все бывает. Привели как-то в гарем евнухи женщину — старую, сердитую, рослую — с товарами заморскими. Там и для мастерских пряжа тонкая, шелка мягкие, там и кружева, каких еще глаза не видали, там и парча камзольная, тонкая, как дуновение ветра, чадра черная, желтая, синяя. Ох, какое женское сердце утерпит! Товары ласкали глаза и пальцы. Остороженько откладывали женщины, что кому понравится. Оксана ничего не откладывала. Но только вдруг удивилась Оксана, что-то дрогнуло в ней. Велика старуха, чадра сплошная

на ней, лица не видать, а глаза не старушьи, быстрые. Посмотрела в эти глаза Оксана — и у нее тяжело заходила грудь. Павло! Вот сейчас или смерть обоим или волюшка.

Купчиха все разложила, все отдала. Когда большая корзина до дна дошла, знак Оксане только глазами подала: иди, мол, девушка, за мной, дам тебе самое заветное. Евнухи решили — пусть идет эта каменная, может, чем-нибудь прельстит старуха ее сердце девичье, может, мы ее, наконец, купим.

За высокий тополь зашла Оксана. Впервые услышали евнухи, как она засмеялась, вздохнули облегченно. «Ну, теперь будет нам легче, — думали, — не будет больше гневаться»...

Кряхтя и охая, взяла старуха корзинку на плечо, прикрыв старым платком, потихоньку поплелась на улицу. Никто не задержал и чадру не поднял — грех великий.

Кто знает, сколько усилий приложил Павло, сколько стараний приложили его дружки, пока достали товаров всяких, пока проникли в ханскую столицу, во дворец. Сердце вело Павла незнакомыми до-

рогами, любовь привела его в самое гнездо осиное. Тут бы ему быть схваченным да на кол посаженным. А вот этого-то и не случилось.

Свернувшись, сидела Оксана в корзине, не дыша. Ох, и гневалась же она на себя, на свое тело крупное, на свою мощь казацкую. Ей бы тоненькой быть, может быть, тогда не гнулись бы так плечи казака.

Наконец, вынес он корзину в далекий переулочек, поставил ее, прислонив к стене. Только одно шептал Оксане — цыть, цыть. А что ей говорить, она и не дышала.

С гиком, с криком по пустому переулочку промчались всадники. Трое от них отделились. Татары... но речь не татарская, речь родная, ласковая, мягкая.

Гей-гей, Оксана, Оксаночка. Вот и она на коне, корзина брошена, куда девалась тряпка. Выпрямившись в могучий рост, вскочил на коня Павло — и помчались. Оксана в середине, всадники окружили ее плотным кольцом, едут быстро, быстро. Казалось, каждый и свою силу передал коню. Эй, скорее, скорее, дальше, дальше. Вот туда, за гору высокую, за лесок зе-

ленный. Скорей, еще скорей! Оксана, прижавшись к шее лошади, называла ее самыми ласковыми словами: милая, золотая, родненькая, ну поскорее...

Вынесла всех сила молодецкая, удаль богатырская. Вынесли всех верные кони казачьи. Вот уже родные бескрайние степи, вот чистые воды и ясные зори...

Далеко позади остались высокие стены ханского дворца, свирепая стража ханских палат, неумолимый гнев хана и его большая сила. Все это, даже самую смерть победила любовь крепкая, любовь верная, дружба казацкая.

ОБ ОЗЕРАХ ЦЕЛЕБНЫХ

Гей, вы, кони сильные, кони казачьи!
Мчите быстрее стрел татарских острых,
ветер обгоняйте! Несите невольников из-
раненных к садам вишневым, к родным
зорям и водам днепровским...

Гей, на-волю! На Украину родную!..

Мчат по степи крымской, палящим
солнцем выжженной, отважные запорож-
цы. А тревожные думы назад летят. Там,
над поганым Гезлевым, еще пожар гудит,
остыть не успели мертвые побратимы.
Много их полегло сегодня в городе печал-
и, городе рабства. Но еще больше вы-

рвалось на волю. Вот они рядом, на конях. Слабые, изголодавшиеся, как былинки, на ветру шатаются. Не верят еще своему счастью.

Скачут кони... Скачут...

А долго ли выдержат бешеную гонку? Удастся ли от погони татарской всем скрыться? Скоро, ох, скоро притомятся казачьи кони! А орда не дремлет...

— Сто-ой! — разнесся над степью суровый голос атамана.

Сгрудились казаки. Спрыгнул атаман с коня, к земле ухом припал. Слышит он, как гудит-стонет земля от дальнего топота конского...

И молвил атаман:

— Всем нам нету отсюда дороги, братья казаки. Отдайте лучших коней людям, нами спасенным. Пусть с проводниками мимо озер соляных на Украину скачут. А мы тут останемся. Дорогу басурманам закроем.

То не черная туча по небу плывет, то ханское войско по степи скачет. У каждого всадника в поводу по три-четыре коня. Чтобы страху больше на врага навести, чтобы боялись все — то орда татарская летит! И кони свежие всегда под

рукой — хоть от рассвета до рассвета скачи!

Всматриваются в даль татары: где неверные, напасть осмелившиеся на город солнцеликого хана, где беглецы?

Где они?..

Как соколы камнем падают на добычу, так запорожцы из засады рванулись, острым ножом в войско басурманов врезались.

Засвистели сабли, запели смертельные песни стрелы татарские. Брызнула горячая кровь на землю.

За муки народные, за горе, что, как тяжелая гора, висела над украинскими хатами, нещадно рубились казаки.

И дрогнули враги.

Но не знали запорожцы, что на помощь татарам новый отряд спешил.

Прижала орда запорожцев к соляным озерам. Здесь последний бой был. В толпой прибрежной грязи увязали кони, сбились в кучу. Негде развернуться казакам, показать врагу свое уменье бранное. Позади — озерная глубь...

Солнце покатилося к закату. Плакала вечерняя заря, кровавым светом заливая

степь и соляные озера. Белый туман опускался на землю, пряча от глаз страшную картину.

Темными буграми на берегу казаки лежали. Никто не пошевелится, не вздохнет. Жупаны изодраны, саблями иссечены, руки и лица в крови. Молчат казаки, руки белые в смертном сне разметав.

Не матери старые заплачут над ними горячими слезами — степные вороны закаркают. Не родные руки глаза им закроют — вороны выклюют. Темень черными крыльями укрывает славных воинов...

И на рассвете, когда солнце бросило первый тонкий луч, слетелись вороны. Закричали, крыльями замахали в радости — большая добыча досталась. Опустились стаяй на поле битвы...

Да не удалось попить вестникам смерти!

Стали вдруг оживать казаки, подыматься. Тот рукой шевельнет, этот голову подымет, третий товарищу жалуется: «Ох, и долго я спал, будто убитый...»

Удивляются казаки: что же с ними стало? Ведь и этот побратим был зарублен — сами видели! — и тот как подкошенный с коня упал...

Стали они всматриваться, вокруг все примечать. И увидели, что там, где раны к черному береговому илу прикасались,— их как не было! Все затянулись, зарубцевались.

И поняли тогда казаки, что родная земля для своих детей — всегда мать. Никогда она их в горе-беде не оставит, не даст пропасть, на помощь придет!

Зашли воины в озеро, соленой водою умылись и в шапки, в бурдюки чудесной земли набрали.

Потом коней уцелевших разыскали, седла подтянули и в степи родные поскакали — понесли на Украину суровую весть о битве с ордой-поработительницей и о целебной крымской земле.

Много лет с тех пор минуло. Но помнил народ эту быль. И когда сбросил кровопийцу-царя, выгнал слуг его, пришли свободные люди к крымским озерам и выстроили здесь прекрасные больницы, дворцы-санатории.

Лечатся в них борцы за счастье народное. Новых сил для подвигов набираются.

ТАК КОНЧИЛСЯ ХАНСКИЙ РОД

Всю жизнь проводил в седле могущественный хан Гирей. Неутомим и ненасытен был он в кровавых набегах.

Все имел хан, чего только может пожелать человек. Не имел только наследника. Кто завершит кровавые дела хана? Кто продолжит ханский род?

Часто видели, как хан Гирей в озлоблении рвал свою бороду, как в отчаянии молился аллаху. В иные минуты он приходил в такую ярость, что приказывал рубить головы беям, которым судьба даровала сыновей, в дворцовых бассейнах то-

пил своих жен, которых обвинял в бесплодии.

Придворные были в ужасе от жестокости своего господина, призывали к нему отовсюду прославленных мудрецов, но никто не помог хану Гирею, не смог излечить его.

Однажды хан, по обыкновению мрачный, выходил из мечети. Его остановил старец, похожий на дервиша, и сказал:

— Государь! Я хочу помочь тебе избавиться от горя и, кажется, сумею это сделать.

Гирей грозно посмотрел на ничтожного смертного, осмелившегося остановить хана. Но старик не смутился.

— Хорошо, — сказал хан, — вечером приходи во дворец.

В условленное время старик был введен в покои хана Гирея. Никто не знал, о чем говорили они наедине. Только слугам было велено к полуночи подготовить двух оседланных коней.

Ровно в двенадцать часов дервиш и хан выехали за город и поскакали. Въехав в ущелье, известное под названием Темного, они сошли с лошадей, и дервиш сказал:

— Хан, ты имеешь еще время раздумать и возвратиться домой. Решай!

— Делай со мной все, что надо, — приказал хан.

И они пошли в темную расщелину.

Через некоторое время хан выскочил оттуда бледный, трясущийся. Вслед за ним из пещеры вырвался смрадный дым и багровое пламя. Не переводя духа, хан вскочил на коня и что было силы рванул поводья...

Девять месяцев спустя одна из жен хана родила сына. На лице ребенка лежал красный отсвет, словно оно было опалено огнем. С детских лет в мальчике открылся ужасный характер. Его можно было упротить не капризничать, только пообещав показать казнь человека. На охоте он развлекался тем, что добивал раненых зверей.

Старый хан все это видел и радовался: сын рос таким, каким он хотел видеть его, — человеком без сердца.

Наступило время умирать хану. Он призвал к себе юношу и рассказал ему историю его рождения. Закончил старый хан так:

— Я добыл тебе жизнь и исполнение

самого сокровенного твоего желания. Своей кровью я скрепил договор с могучими духами. Когда ты после моей смерти вступишь на престол, то в полночь должен обязательно отправиться в Темное ущелье, чтобы поблагодарить дервиша за все, что он для нас сделал. И скажешь ему, что ты хочешь иметь, но только одно что-то, самое-самое главное для себя. Обдумай хорошенько, что ты намерен попросить, чтобы быть довольным всю свою жизнь.

Умер хан. В тот же день по решению верховного дивана юноша вступил в управление ханством. В полночь молодой хан вскочил на коня и помчался к Чатыр-Дагу.

У въезда в лес, за последней деревней, путь ему пересек старик-крестьянин, несший вязанку хвороста.

— Прочь с дороги! — крикнул хан и с такой силой хлестнул старика плетью, что тот упал, обливаясь кровью.

У входа в пещеру молодого хана встретил дервиш. Он взглянул на плеть, покрытую запекшейся кровью, и довольно усмехнулся.

— Ты приехал благодарить меня и про-

сильного исполнения желания? — спросил дервиш.

— Да.

— Я знаю твоё желание. Ты хочешь, чтобы весь свет трепетал перед тобой, чтобы имя твоё пугало людей. Ты хочешь сеять повсюду смерть и разрушения.

— Ты угадал, — ответил хан, боясь взглянуть в глаза старика, горевшие каким-то зловещим огнём.

— Я дам тебе столько золота, что ты можешь вооружить огромную армию, какой нет ни у одного царя на свете. Взгляни вон туда, к Чатыр-Дагу. Видишь трещину у подножия? Там ты найдёшь неиссякаемую россыпь золота. Это золото — твоё. Оно будет служить только тебе, помогать тебе сеять злые дела. С его помощью ты будешь целые страны превращать в бесплодные пустыни...

Сказав это, колдун исчез. Молодой хан нашёл трещину у подножия Чатыр-Дага, разгреб землю возле неё и действительно открыл там золотую россыпь. Набив золотом перемётные сумки, он возвратился к себе во дворец.

И с той поры не знал покоя молодой хан. Он проводил годы в кровавых похо-

дах, как отец его, не оставляя ни на один день седла. Как смерч, налетал он на мирные города и села, сеял пожары, убивал тысячи людей, и это было для него истинным наслаждением. Ему удалось вооружить армию, равной которой не было ни у одного царя на свете. Но хану и этого показалось мало. Часто он, никем не сопровождаемый, скакал глухой ночью в горы и возвращался оттуда к утру на взмыленном коне с переполненными сумками.

Задумал хан предпринять набег на страны, лежащие к северу от Крыма. Его несметная конница двинулась в поход. Задрожала земля под десятками тысяч копыт. Запылали селения, полилась реками кровь, от стонов и криков людей содрогнулось небо.

Бесконечные колонны пленных, обреченных на рабство, потянулись по пыльным дорогам.

Когда мимо пленных проезжал хан, воины принуждали пленных падать ниц в дорожную пыль, а тех, кто ослушивался, убивали.

Но нашелся один смелый человек, который не пал ниц и, прежде чем был зарублен воинами хана, успел крикнуть:

— Погоди, злодей! Придет время — последняя капля крови твоих жертв переполнит чашу. И тогда жди возмездия!..

Рассмеялся хан. Мало ли что вздумает сказать перед смертью обезумевший невольник?

В числе пленниц, угнанных в рабство, была одна женщина. Когда воины хана нагрянули в деревню, двенадцатилетняя ее дочь спряталась. Теперь несчастная мать мучилась мыслью о том, что дочь умрет от голода на пепелище или будет растерзана зверями.

Но девочка не погибла. Она пошла по следам разбойничьей орды, питалась мясом павших лошадей, выпрашивала подаяние.

В Крыму девочка узнала, что многих пленников угнали в горные селения у Чатыр-Дага. Девочка направилась туда, надеясь разыскать свою мать.

Однажды во время сильной грозы хан, по своему обыкновению один, возвращался от золотой россыпи с сумками, полными золота. Он проезжал мимо девочки, укрывшейся под деревом у края дороги. В этот момент из сумки выпал кусок дра-

гоценного металла. Девочка, подняв золото, чтобы отдать владельцу, подумала: «Вот кто может спасти мою мать».

— Господин! — окликнула хана девочка. — У тебя много золота. Дай мне хоть маленький кусочек. Я выкуплю из неволи свою мать...

— Как ты осмелилась сказать мне это, дерзкая девчонка? — с яростью воскликнул хан, и его плеть со свистом, словно сабля, упала на несчастную.

Страшно вскрикнула девочка, падая на землю. Так вскрикнула, что небо ответило ей раскатами грома. Еще грознее зашверкали молнии.

Но хан не обратил на это внимания. Он спрыгнул с коня, оттолкнул носком сапога лежавшую без чувств девочку и жадно схватил кусок золота. Капли крови ребенка, брызнувшие на золото, обагрили пальцы хана.

И кто знает, которая из этих капель оказалась той последней, что переполнила чашу...

Положил хан окровавленное золото в сумку, и вдруг ему показалось, что на этот раз мало он набрал из россыпи. Повернул он коня и под завывание ветра,

грохот грома и сверканье молний поскакал обратно к Чатыр-Дагу.

Только разгреб хан землю и протянул руки к золотым слиткам, как раздался удар грома неимоверной силы. Задрожала земля. Из черных туч сверкнула молния и испепелила злодея. Еще раз сверкнула молния — и обрушился склон горы, погребая под собой дьяволово золотое гнездо.

И с той поры не стало в Крыму золота, с той поры кончился ханский род.

О СЕМИ КОЛОДЕЗЯХ

Кем и когда были вырыты в степи семь колодезей — люди не помнят. Рассказывают только, как ушла из них вода.

Семь колодезей уже были, когда приобрел эту землю старый немец. Росло у него шестеро сыновей. Пересчитал немец колодцы и говорит:

— Знать, счастливое число семь. Нужно мне еще одного сына.

Родился у немца седьмой сын, названный Фрицем.

Был в этой безводной местности такой обычай, что хозяин колодца давал людям

воду бесплатно. Давал после того, как наполнит свои водоемы, напоит огороды, бахчи. Но все-таки не отказывал в воде, ибо в ней была жизнь.

Старый немец не нарушал этот обычай, и хозяйство его процветало. По вечерам сидел он вблизи колодцев, считал барыши, курил трубку и наблюдал, как играет Фриц. И уже тогда говорил:

— Из этого парня будет толк.

А маленький Фриц скакал верхом на палочке и, между прочим, уже умел замечать каждую пролитую каплю воды. Он бурчал:

— Плескают воду... Плескают воду...

Подрос Фриц и стал упрекать отца, зачем он раздает драгоценную влагу бесплатно, когда за нее можно брать деньги, сколько хочешь денег. Старый немец смотрел на него и говорил:

— Из этого парня должен быть толк, — но говорил уже не так радостно, как раньше.

Однако молодого Фрица он не слушал и всю воду, что оставалась в колодцах, по-прежнему отдавал.

Прошли годы. Сгорбился старик, а Фриц вырос в большого парня, такого

сильного, что все боялись его. Побаивался даже отец.

Случилась беда в семье старого немца: один за другим умерли шесть сыновей. Остался один Фриц. Готов был все сделать для него отец, но только в одном не хотел уступить: не позволял закрывать от людей колодцы.

— Вода держит возле нас людей. А в людях — основа нашего богатства. Пока я жив — так будет, а умру — поступай, как знаешь, — говорил он Фрицу.

— Основа богатства — в деньгах, — твердил Фриц, удивляясь неразумству отца.

Умер старый немец. Фриц похоронил отца и первым делом запер все семь колодцев на замок.

— Кому нужна вода — пусть платит, — объявил он.

Поднялся в народе ропот. Ведь никогда такого не было. Но что сделаешь! Несли свои гроши, за каждую кружку воды, несли, но роптали все сильнее... Услыхал об этом Фриц, стали холодными, как болотная гниль, его глаза, и не велел он давать воду даже за деньги.

— Пусть подохнут, раз меня так ругают.

А вода — это жизнь. Что делать, как жить без воды?

Пришли люди к Фрицу, слезно просили его смиростивиться. Не кланялся ему только один мужичок, бывший солдат, с медалями на груди. Не кланялся и ругал Фрица, как последнего человека на земле.

Выслушал всех Фриц и сказал:

— Ладно, воду получите. Но не все. Вот тому, что ругает меня, — ни капли не дам.

Схватил того мужика и швырнул за ворота. Упал мужичок наземь и грудь себе отбил. Целый день мучился и к вечеру помирать стал. Пересохло горло, внутри все жжет.

— Испить бы! — просит он.

Но воды нельзя было нигде достать: чтобы доконать мужика, Фриц велел запереть колодцы на семь замков, а ключи спрятал.

Поднялся перед зарей мужичок, посмотрел в последний раз на белый свет, промолвил какое-то слово и умер. Утром Фриц велел открыть колодцы и принести ему воды. Шарили, шарили ведрами в ко-

лодцах, а воды в них ни капли не осталось — вся ушла.

И с тех пор многие годы не было ее в семи колодезях.

Бежал в страхе из тех мест Фриц. Ушли и люди.

С годами развеялась память о жадном человеконенавистнике. И снова появилась вода в семи колодезях — холодная, сладкая, чистая, снова появились люди, оживла степь.

ГОРОД СЛАВЫ НАРОДНОЙ

Если бы горы могли рассказывать, если бы скалы могли говорить, то сева-стопольские камни кричали бы. Кричали о горе, о радостях, о славе, о несчастьях, о женских ласковых словах, о команди-рах морских... Чего только не поведали бы нам камни севастопольские! Многое. Зем-ли здесь богатые и очень много солнца. И бескрайнее синее море. Почему только его люди Черным называют? А бухты, как ножом порезанные, в скалах все. Как они хороши! У одной из них приютилась ма-

ленькая, крохотная приморская деревушка Ахтиар. Несколько домиков и очень много тишины.

И только гением народа русского, мудростью великого полководца Суворова здесь поднялся город русской славы. Город золотых рук матросов-корабельщиков, город строгих линий, белых домов, как будто весь сшитый из сурового полотна, из паруса чистого, город, в котором строился молодой Черноморский флот.

На одном из холмов построили павильон. Приехали гости высокие — Екатерина II, Потемкин, австрийский император, французский, английский послы. Тогда-то перед изумленным взором гостей по синей глади Северной бухты, чуть-чуть накрываясь, проплыли русские корабли, гордость русской земли. И росла слава этого города, и увеличивалось количество кораблей. И вызывал страх этот город у врагов. И нежность была к этому городу у матросов, построивших его, любящих его простых русских людей.

Но пришла беда. Прикатилось страшное слово — война. Город весь собрался, подтянулся, как будто готовясь к какому-то гигантскому прыжку.

Враги окружили город с суши и с моря, пытались его взять. Вот тогда-то заговорили морские души, вот тогда-то поняли люди, как дорог им этот белокаменный город, где много солнца, где много своего родного, город, который построен таким нечеловеческим трудом, где каждая пядь земли — героизм.

За страшным словом «война» пришло другое страшное слово — приказ оставить корабли. Матросам сойти на берег, а корабли затопить, преградить противнику путь в бухту, задержать его.

Легко сказать — сойти матросу с корабля. Но страшно слышать моряку такие слова. Для него вся земля на корабле. А еще страшнее потопить корабли. Это — то, чему радовались, чем гордились — отдать воде? Страшно, очень страшно. Но это надо было сделать. И это сделали русские матросы.

Не спрашивайте, что они говорили, о чем думали. Они дрались на суше за море. Они дрались на суше за корабли, за гордость российскую, за честь матросскую, дрались и погибали.

Всем кажется, что мачты спасли, задержали врага его огромные паровые ко-

рабли. А говорят, что не так это было. Так сильна была любовь матроса к своему детищу, так полно было его сердце нежностью к сработанным им кораблям, что не выдержало матросское сердце даже после смерти.

Люди говорили, что после боя странно было видеть: солдат, так тот лежит на земле, как будто прощаясь с нею, грудью, лицом прижимается к ней, а матросов нет. Люди не верят, говорят — неправда. А это было так. По ночам мертвые матросы уходили в воду. Уходили и грудью становились там под водой у своих кораблей. Через такую стенку никакой вражеский корабль не пройдет. Вот это была стена! Вот это была сила! Мертвые матросы крепко, по-братски держались за руки и не пустили врага... Так было под водой синей бухты Северной.

Многое может рассказать море севастопольское, многое может рассказать камень севастопольский, только надо уметь слушать.

Не безликой была земля эта. По ней ходил ловкий, сильный матрос. Кошкой звали. И вправду он был, как кошка. Когда сняли его с корабля — растерялся

было парень. Как на море защищать землю, он знал, как море на земле защищать—этому его никто не учил. А это трудная задача—с земли море защищать. На кораблях—просто, а вот как с камней? Потом научился. Старый солдат, который на протяжении двадцати пяти лет во всех войнах участвовал, умел землю защищать, он Кошке рассказал, как ночью по звездам ползти, как скрываться за родными камнями. Говорил солдат:

— Ты не бойся, матрос, ты себя камням отдай, они умные, они тебя от пули спрячут. Они тебя так прикроют, что никакой враг не заметит.

И полез тогда матрос мягко, неслышно. Уходил, уползал Кошка в глубь вражеских траншей. Опять беда — все бы рассказал Кошка, что слышал, а что рассказать—язык чужой, непонятный. Только и умел рассказать о том, что глазами видел. А у Кошки глаза зоркие. Без страха ползал Кошка. Не одного рядового, не одного офицера живьем захватил, к своим приволок...

И, как люди говорят, все-таки поймали враги матроса. Поймали и повели. Чего-то бормотали, о чем-то расспрашивали, ты-

кали пальцами в грудь могучую, показывали на город, который пылал совсем рядом, почему-то волновались. Улыбаясь, без всякого смущения стоял Кошка и молчал. Улыбка его была такой подкупающей и в то же время такой мудрой, что даже враг понял—стыдно матроса спрашивать, стыдно, ничего не скажет. Даже враг с восхищением смотрел на матроса. И когда офицер отдал приказ стрелять, то матрос Кошка, не зная языка, понял—смерть. Снова улыбнулся и показал на берег. А берег был крутой, а внизу шумело море. Оно как будто учило Кошку, как надо говорить, что надо делать. И море не волновалось, оно ласковым было в этот час. Слушал его Кошка и все понимал. Он еще и еще раз настойчиво показал на самый край берега. Он говорил: «Братки, нельзя меня стрелять здесь, матрос должен в воде погибнуть. Слушай, камрад, я — матрос, ставь меня на край, умереть не дай без чести мне, ты солдат, не делай бесчестья матросу».

Никто не скажет, как поняли матроса Кошку. Отдал снова команду офицер. Матроса поставили над самым краем берега. Уважил враг смелого матроса. Мно-

гие сняли кепи, многие отвернулись. Команда — огонь, и матрос исчез. Никто не посмел подойти к берегу, посмотреть, как скатился вниз герой. А что случилось? Море заволновалось, зашумело. К берегу волны все ближе, все выше — пока шел разговор Кошки. Затем они приняли матроса, понесли, бережно с волны на волну перекладывая, покачивая, обмывая соленой водой, словно ласковые руки матери — назад к своим понесли. И море снова утихло, вынесло матроса Кошку на берег, положило и отхлынуло, замерло. Теперь море свою работу сделало и отступило, чтобы людям не страшно было подойти. Потянулись друзья, дружки подхватили, понесли. Зашили, перевязали. И ожил опять матрос, на бастион снова пошел.

Многое знает русская земля о матросе Кошке. Камни сказали свое — умеи слушать, на то уши есть, но ушей мало — душа надобна. Вот как получилось с матросом Кошкой.

А еще вот все говорят — Даша Севастопольская. Какая же она? Проста, а что умная — факт, умная. Приехали из Петербурга ученые женщины, именуемые

сестрами милосердия, оказывать помощь на сожженной земле. Ничего не скажешь, ученые. А кто первый к матросу подходил, ласковое слово говорил, чтобы душа матроса перед смертью спокойна была? Даша. Кто этого не знает?

Красавица, говорят, была? Но откуда красоте быть у девушки? Сирота, всю жизнь проработала на богатых. Руки не бархатные, шершавые, с заусеницами. Может, скажут, поступь легкая. Нет, ходила по земле твердо. А почему? Попробуй взять на плечи два ведра с водой, пойти на гору под ядрами да злыми пулями. На земле надо твердо стоять. Не лицом — душой красива была наша Дашенька. Ласковая она была, своя, родная. Каждый кустик помнит, какая у Даши душа. Кто научил ее быть такой? Сердце научило.

И еще рассказывают камни севастопольские, что даже самые маленькие крошки, ребятки, а как работали ручонками, без страха, без нитья, без слез. В другой раз, бывало, мышонка боялись, под мамкину юбку прятались, а тут смерть ходила рядом. Говорят, ребята смерти не понимают. Неправда. Каждая живая душа смерть чувствует. А они смерти в лицо камеш-

ки бросали да не боялись, отбивались. А девочки маленькие за Дашей ходили вслед, голосом Даши говорили: браточек, попей водички. Да где уж ему пить, он ушел... А вот еще лежит один, стонет: Дашенька, помираю...

Вот что камни записали. Без них откуда бы знать это севастопольцам с Корабельной бухты.

А еще — видали вы Графскую пристань? Видали. Графская... Стыдобушка! Ее матросской бы назвать. Сколько по этим ступеням поползало раненых, сколько уходило моряков, матросов в воду, туда, в бухту затонувших кораблей. Матросская это пристань, а не графская... Видали люди, как графы на Северной стороне отсиживались. Спросили бы об этом у любой ступеньки пристани, она вам подтвердит.

Последнее, что говорят нам камни севастопольские.

Весь сгорел Севастополь в ту пору. И гореть-то уж нечему, а он все горит. Огнем отбивались, каждый камень горел, врага не пускал... Нашим уходить приказано. Как уйдешь с такой земли, с таких камней? Мост навели, качался он,

море плакало. Оно жаловалось: матросы, что делаете, вернитесь, бейтесь! А приказ-то — отходить. А кто держал мост? Говорят — понтоны. Мост держали мертвые моряки, их крепкая дружба. Своих спасали, море уговаривали — постой, перестань бушевать, свои же уходят, дай уйти, не буйствуй, на той стороне тоже земля русская.

Эта сила богатырская, эта воля народная вскоре вернула Родине ее город славы на вечные времена.

ТРИНАДЦАТЬ БЕССМЕРТНЫХ

От самого Перекопского вала до берегов Черного моря дорога идет. Если бы можно было по следам человеческим читать, сколько бы рассказала дорога эта тяжкого и героического...

По шляху татарскому шли невольники в крымское ханство, шли связанные сыромятными ремнями, босые, голодные. И не раз степь оглашалась девичьим вскриком, стоном песни: «Коса моя жовтенька, не матір тя розчісує, візник би-чем розтріпує...»

Шли в неведомые земли, к неведомым

горам полоняне с земли русской. Расходились большими дорогами к портовым городам. Тысячами продавали невольников и купцам генуэзским и купцам иранским и турецким. Все запомнил шлях.

А годы шли. И по шляху крымскому проходили смелые дружинники, воеводы Адашева, казаки Сирка, Кривоноса — шли невольников, ясыр выручать. По этому шляху шли русские люди пешим ходом, застревали в грязи — на защиту Севастополя.

Этот шлях помнит и двадцатый год. Везли тогда и пушки, и телеги с добром. И снова шел русский человек. И в огне горел и в безводье страдал тяжкий шлях. И растекается он на ручейки — на маленькие тропинки и дорожки. А по тем тропкам-дорожкам ходили люди смелые, духом сильные. И назывались-то они словами славными — Красная гвардия. Немного вначале их было, а врагов — множество. И враг-то коварный, хитрый, жестокий и могучий. Все у них — и ружья, и пушки — заморское, души заморским богачам проданы.

На землю нашу смотрели враги с презрением. А для нас земля наша — свя-

шенна. Мало ли людей за нее телами полегло? Ведь нет такого клочка на ней, чтобы кровью русской не был полит. Где хочешь копни в Крыму — и на памятник наткнешься. Вот здесь воевали, вот здесь защищали. Почему земля и цвета разного? Где больше крови льется, там она красная, а то бывает бледная, бескровная — от мук нечеловеческих.

Вот и создавался отряд смелых и сильных, чтобы себя, свою землю защитить. На большие дела наши люди пошли, новую власть устанавливать, защищать ее. На это много силы надобно. Но сила была в том, что народ поддерживал. Как будто плечами подпирал горстку храбрых. Не было ни страшно, ни боязно, только сердце горело.

Так и создан был отряд красногвардейский. А в том отряде, как всегда бывает, где молодые войска, что ни человек — то герой. Создали власть советскую — многое сделали, город, деревню от врагов освободили. И вдруг змея заползла в отряд. Кто-то предал самых храбрых, самых смелых. Налетел враг. Силища у него огромная—на одного десять напали. Скрутили героям руки, ноги, повезли на

телегах к смерти готовить. А чего их готовить? Они смерти не боятся. Честно жили, чистыми и на смерть шли.

Но разве народ не народ, что даст самых смелых на поругание? Тюрьма стояла у кладбища, а там тайный ход был. Кто вывел, кто освободил — неизвестно. Но только бежали тринадцать храбрых, никакие муки их не ослабили. Такой ненавистью горели сердца, что хватило на все силы и воли: из тюрьмы уйти, и путы развязать, и в горы уйти. Именно уйти, не уползти, нет. Ползают только змеи, ползают только пауки, ползают те, у кого храбрости нет. А эти в рост пошли. Словно за их спиной ни тюрьмы, ни побегов не было. Экая силища! Можно бы поскорей пойти, можно было побежать. А они шли. Помчались за ними вражеские конники. Там же в слободке Русской около кладбища их настигли и порубали.

Легко сказать — порубали. А ты подумай, человек, какую муку терпели сильные, смелые! Ведь трусу умирать легче. Трус попросит пощады, храбрый не согнется. Как стояли, так и упали порубанные.

Знали враги, что гнев народный доста-

нет. Как воры, быстро яму выкопали, побросали в нее мертвых, кое-как землей засыпали, чтобы никто и места не нашел. Искал народ, еще как искал! Куда делись храбрые, смелые? А они лежат в земле семьей одной. Время пришло, люди нашли их, бессмертных. Раскопали страшную яму, а в ней в обнимку, как будто друг друга поддерживают, мертвые, — и матрос, и пастух, и летчик...

Так и называли это место — Могила тринадцати.

Как будто новое имя героям дали — тринадцать. Ни матери их не оплакивали, ни невесты, ни жены — народ оплакивал. Сколько человек носили в сердцах добрые чувства к погибшим. И стали красногвардейцы бессмертными.

Но вот земля крымская снова загорелась. И в нашу деревню, и в наш город снова враг пришел. Враг—он всегда враг. А этот — коварный и самый подлейший был. Хотел он у народа отнять не только силу, но и душу полонить, чтобы приняли мы рабство спокойно, ползая. Нет, не поползли наши люди, как и те тринадцать не поползли, стоя боролись. И кто боролся? Все боролись—от малого

до старого. Так вот, о самых молодых, почти еще ребятишках. Что знали они о ненависти? Только то, что в книжках читали. Что росло в каждом сердце у ребятишек? Любовь к науке, к людям, к земле. А тут надо переучиваться. Страшное это дело—человеческое сердце ненависти учить. Ох, страшное. Сердце человеческое для любви, для ласки создано. Любить легко. Какая мать скажет ребенку — живи, и пускай у тебя в сердце будет ненависть? Зачем тогда жить? — скажет каждый. Но пришлось учить благородной ненависти — ненависти к врагу. Учили матери этому и сыновей и дочерей.

И опять их было тринадцать. Худенький мальчонка — где бы в таком теле крепости взяться? Голодный, поработенный, но не покорившийся. Снова тринадцать. И думки не было ни у одного из них поползти, спрятаться. Пусть невелик росточком—во весь рост стоял, ненавидеть научился. Сердце было этим досыта полно. За всех, за все всю муку на себя приняли.

Ну, как и в каждой семье, в этой семье тринадцати тоже был свой отец. Коммунист Голик — серьезный мужик.

Ох, как тяжело было вначале. Ведь друг от друга прятались. А потом пришло самое дорогое — доверие человека к человеку, одна семья, готовая на все. И пошли дела...

Немцам страшно было, фашисты просто как под огнем коробились. Бывало, пройдут комсомолята, запоют песню: «Любимый город может спать спокойно», а враги так эту песню ненавидели! Ведь их штаб сообщал, что этот город погиб, город сожжен, взорван. И рассматривали они эту песню как насмешку над собой. А комсомольцы не без злорадства пели ее.

Сколько ребятишек было? Тринадцать. А сколько дел сделали, разве цифрой скажешь? Кому доброе слово шепнут, не верьте, мол, что пала Москва, не верьте, что немцы на Урале. Вот слушайте, как обстоит дело... И читают газеточку. Маленькая она, а сколько правды в ней! Хорошо было слушать. И название старое было — «Красный Крым». Читали, сходились, расходились, снова приходили, как к чистому источнику—правду узнать. А кто дал ее юному комсомольцу? Маленькая была газета, а какую силу людям

давала! Это потому, что великая правда нашей родной партии была в этой газете.

Так вот они — тринадцать — поднялись, выросли. Становились все выше ростом и душой, — известное дело, человек. Все делали: и мосты взрывали, и железнодорожное полотно разбирали, и дорогу на Севастополь ломали — как могли, задерживали снаряды, мины, которые фашисты везли для штурма Севастополя. Все делали детские руки, ни от чего не прятались, ничего не боялись. А сколько людей спасли от полона, от нового ясыра, еще страшнее прежнего!

И кто бы мог подумать тогда, что юных смельчаков подстерегает предательство? Если бы знали, если бы ведали — прикрыли бы их тела, спрятали бы. Кто их выдал, кто? Выдала какая-то каинова душа...

Большие муки, страшные страдания пришлось терпеть юношам. Но они держались, знали — с ними народ. Их поддерживал пример тех тринадцати, которые в двадцатом году погибли за русскую землю. Они как бы говорили: держись, браток, все хорошо, не умрем, держись, браток! И ребята держались. О, сколько

страданий нечеловеческих, сколько мук, сколько детских терзаний—и ни одной слезы.

Постреляли их. Не так умирали они, как смерть солдату приходит, а в муках страшных. Перед тем как умертвить, у них пытались отнять человеческое сердце, отнять достоинство, честь человеческую. Питками хотели заставить их ползать, покориться хоть в свой последний час. Но не ползали наши герои, не покорились. Им ломали кости. Палец можно сломать—он не железный, можно вывернуть руку из плеча — она не каменная, а вот честь сломить — нет, имя человеческое затоптать — нет. Ни согнуть, ни сломить советского человека нельзя...

Вот еще тринадцать бессмертных прибавилось к летописи города нашего, тринадцать мужественных, сильных, гордых. Пусть враги нашей земли не трогают, всякое число множиться может бесконечно. Земля наша советская до бесконечности множить героев умеет.

ПАРТИЗАНСКАЯ РЕЧКА

Солнце — оно для всех ласковое. Для бедняка оно дороже всего. Кто его приласкает, кто пожалеет? Только солнышко. А горы — они хитрые. И не стыдно им — стали стеной высокой, защитили богатеев от холодных ветров. На берегу морском дворцы выросли.

Богатому солнца не надо, он его боится, прячется, по земле-то ходит с крышей на палке. Отчего его бояться? Оно ласковое, жизнь всему дает. Бедняку горы мало помогали. Бедняка горы мучили. В пургу, в метель, в холод, буран на горах

высоких тяжело. Чабаны, пастухи на ласку гор не рассчитывали. Сколько раз сердце ударит, пока в гору идешь, как ногам тяжело, когда чужого барашка ищешь? А они, богатые, там, внизу живут, им не страшно. Они любовались горами, головами качали. Какие высокие, как красиво! А чабану в горах тех тоска была.

Высоко на Бабуган-яйле стоял кош — овечий загон. Жил там пастух. От всей семьи у него только и осталось радости, что сынок. Быстрый, юркий, как ящерица. А смел — даже гор не боялся. Старик-отец скажет:

— Ты, сынок, с горами не играй, они коварные. Где не ждешь, камень сорваться может и убить, не спросит, кто ты такой. Ты, сын, бойся гор. С них ветер срывается злой, колючий, и туманы в горах рождаются. Ты, сын, бойся гор.

А ему ничего. Прыгает с камня на камень, помогает отцу чужое стадо беречь.

Рос и креп мальчик. В землю уходил старый чабан, сердце стучало глухо. Всю жизнь чужое стадо пас, всю жизнь на чужое богатство глядел, как оно росло и множилось. Искал он ушедшего от стада

барашка, карабкался по горам, погубил здоровье.

И вдруг даже туда, в горы, пришла летучая весть — кончилась власть богатеев. Внизу дворец опустел, тишина. Ждет молодая крымская земля нового хозяина. А чего его ждать? Он здесь. Или там внизу — тот, кто работает на виноградниках, или тот, кто здесь, в горах, пусть даже старый чабан, — он хозяин.

Как понять это ему, старику? «Не может быть, чтобы я стал хозяином такого стада, для чего оно мне? — думал. — Что я буду с ним делать?»

Как понять старому чабану, что он может теперь с гор сойти вниз? Он все отдал горам.

Исчез сынок, ушел к людям вниз правду узнавать. И правду принес суровую — чтобы стать хозяином всей земли, опять драться надо. И, как мог, как умел, мальчик рассказал старику:

— Уйду, — говорит, — драться буду, чтобы хозяевами на всей земле были и другие пастухи. И еще новость тебе, отец, скажу — сейчас я уйду к людям крепким, сильным и храбрым. Уйду к тем, кто себя называет чудным словом — партизаны

Не гневайся на меня, отец, я тебе помогать буду. Вот увидишь, я тебя не оставлю, ты только береги всех овечек. Ты раньше искал барашка, отбившегося от стада, из страха перед хозяином, а теперь ищи для себя, для нас всех. Не умею я все тебе рассказать, отец. Но только уйду к ним, драться вместе с ними буду за наше счастье.

Шли дни. В туман, в буран услышал старый пастух привычным ухом осторожные шаги. Это не сын, это многоножье. Кто идет? Все ближе, ближе шаги. И вдруг спокойный голос:

— Здравствуй, отец, я пришел, друзья мои пришли. Ой, отец, мы сами буран на земле сделали. Вот теперь я понял слово—партизаны. В маленьком тесном шалаше оказались люди. Вот они — партизаны.

— Сейчас есть будете, — сказал старик спокойным, привычным голосом.

Он стал кормить чужих ему людей. Почему чужих? Раз сын привел — значит свои. Они расспрашивали старика о тропках, дорогах, о каменных завалах, о ямах, в которых можно спрятаться от зноя и холода. О том, какой можно услышать

крик птицы и что он означает, есть ли птицы, которые могут предупредить об опасности. Все рассказал старик. И по какой тропинке идти, и по какой не надо. И как камни сложить, чтобы гнев каменный обрушился на голову врага.

Понравились людям, пришедшим снизу, слова старика. О гневe каменном хорошо он сказал. Но ведь гнев каменный без человека не бывает.

— А ты сердце свое сделай каменным, — сказал старый пастух, — пусть оно будет глухо к жалости, сейчас жалеть не время. Нас не жалели.

Он показал свои жилистые руки, искривленные пальцы, не похожие на человеческие, как корневища какие-то.

— Мне моими руками страшно было детскую головку сына держать.

И ушли люди. Указал он им на речку, а в ней вода самая чистая, самая здоровая. Партизаны похвалили ее, постояли у ее головы. Многое рассказал о ней старик — уж какая она холодная летом, теплая зимой, чистая и смелая.

— Смотри, какие камни промыла, себе дорогу сделала. Ей бы век наверху быть, да она к людям торопилась. Людям без

воды не жить. Боролась она с камнями — не боялась, с морозом боролась. Таковую речушку льдом не скуешь, не закроешь на замок: такая вода людям нужна. Бормоча, гневаясь, речушка все побеждала и к людям шла.

Радостно стало речке. Еще шире она разлилась, спасибо, мол, старик, что обо мне доброе слово сказал, а сейчас как я надобна там, внизу.

И за то что полюбили ее партизаны, как речка помогала им. Ведь бабы все внизу, а мужики наверху. А тут враги направились со всех сторон, хотят счастье у людей отнять. Дорога в горы отрезана. Остались партизаны без хлеба. Сидят на берегу речки, жалуются друг дружке. Речка вдруг что-то забормотала. Как ее поймешь? И только пастушонок, который пошел попросить хлеба для партизан, все понял. Он посоветовал бабам:

— Вы хлеб на капустный лист положите и прямо на воду поставьте, а река свое дело сделает.

Они ему в ответ — полно, мол, сказки рассказывать. А он им опять: вы баночку соли положите и на капустный лист да на речку. Бабы так и сделали — на

капустный лист хлеба и соли положили. И вот, сколько тысяч лет прошло, люди не видывали, чтобы река вверх пошла да бережно хлеб-соль понесла. А эта пошла, тащила и хлеб, и одежонку, и ружьишко — все тащила.

Старый пастух спустился с гор вниз. Рассказали ему об этом, но он не удивился. Я, говорит, в нее всегда верил. Здоровая, хорошая вода, она еще не то сделает, она все может. Так и вышло.

Каждый день приходил старик в лагерь партизан. Под какой бы скалой ни были — всюду находил. Однажды пошел, а сына нет и еще многих нет.

— Где они? — спросил спокойно старик.

Смущенно отвернувшись от него, некоторые хотели сказать неправду — внизу, мол, что-то задержались. Только речка шепнула: «Не верь, дедушка, убиты они, нет их».

Думаете, заплакал старик? Нет. Знал он, на что сын идет. Такое сильное сердце, такое честное сердце иначе жить бы не смогло. Он не заплакал, только попросил, когда пришел к голове реки, попросил по-стариковски:

— Тяжко тебе, река, ты так много

вверх тащила. Слушай, что я попрошу. Не дай надругаться над телом мальчика, укради, притащи его мне, предам сына земле, посажу на могилке куст роз. Пожалей меня, старика, я тебе еще раз спасибо скажу. Тебе ведь ласковое слово тоже надо.

А уж она-то ворчала, искала то, что просили. Люди говорили — на реке неспокойно. А в это время она мальчика искала. Нашла, бережно приняла в свои воды, а потом потихонечку вверх, вверх понесла и к ногам старика положила. Не заплакал старик. О чем плакать? Имя его сына и в земле, и в воде записано. Такие не умирают! Сказки будут о нем слагать, песни петь, и никто черного слова не скажет.

Старик предал сына земле. На этом месте разросся пышный куст роз. Кто ни едет, ни идет, говорит: эх, красота какая! А ведь не все знают, какой красоты был мальчик.

Пастух давно уже ушел в землю, а мальчик живет.

НАШИ ЗВЕЗДЫ

Жил в Крыму старый чабан, такой старый, что, наверное, помнит, как земля делалась...

Работал чабан у бея. У бея барашек много, правды мало. Что значит мало—совсем нет. Работы у бея много. Чабан у него один, а стадо большое. Плохо кормил бей чабана, смеялся:

— Ничего, — говорит, — в горах солнца много, живи, чабан, солнцем!

И жил солнцем старый чабан...

Всего много было у бея, только правды не было...

Чабан был стар, и была у него старуха. А старик без старухи разве бывает? Только не было у них детей.

Ходил старый чабан по горам, за барашками смотрел, а барашки, как дети: уйдут на яйлу, а потом плачут, глупые. Искал старый чабан барашек, лазил по камням, и лопалась кожа у него, на землю падала честная кровь чабана.

Кровь старика на лицо земли падала, и земля — она всем мать — эту кровь принимала, и к самому своему сердцу несла. И у сердца земли, где очень жарко, кипела кровь чабана и делалась, как красивый красный камень.

Был у чабана приятель, друг, знакомый пахарь. Много работал. А где ты видела, чтобы пахарь мало работал?

Тоже у бея работал. У бея земли много, а сердца нет. Не давал есть пахарю и говорил:

— В степи воздуха много, какой воздух хороший.

И плохо жил пахарь. А кому пожалуешься? Много работал пахарь на земле, и много пота лил и много слез.

И на лицо земли падали пот и слезы, и земля—она всем мать—принимала пот

и слезы и к самому сердцу своему несла, И у сердца, где очень жарко, кипели слезы пахаря и там делались крепким, хорошим железом.

Земля знала — людям надо железо...

Когда нужно было старикам к смерти идти, вот что случилось. Родили старухи и у пахаря и у чабана: одна — девочку, другая — мальчика. Назвали их так: мальчика — Сила и Правда, а девочку — Счастье и Радость.

Испугались беи, когда услышали о рождении этих детей.

— Эй, — говорят, — если Сила и Правда, Счастье и Радость вместе по земле пойдут, нам тогда не жить.

И решили они убить мальчика и девочку. А разве Силу убьешь? Разве Счастье убьешь?

И ничего не могли беи сделать с ними.

И решили тогда беи спрятать Силу и Счастье в темную пещеру. Нашли они такую пещеру, собралось их много-много, загнали они в пещеру Силу и Счастье.

Грустно стало на земле...

Но шло время, много времени прошло. Пришли из-за Сиваша люди настоящие, крепкие, справедливые и сказали:

— Выпустим Силу и Правду, Счастье и Радость. Пусть по земле ходят.

Но беи не хотели выпустить из пещеры Силу и Правду, Счастье и Радость. И началась битва между беями и людьми справедливыми.

Долго тогда бились, и много крови, и пота, и слез упало на лицо земли. Земля — она всем мать — собирала кровь, пот и слезы и к самому сердцу своему несла и там прятала.

И победили беев настоящие, крепкие, справедливые люди, освободили из пещеры Силу и Правду, Радость и Счастье. Тогда сказали эти люди:

— Вот, земля, очистили мы лицо твое от всей грязи, сделали его прекрасным и чистым. Скажи, земля, что ты людям дашь?

— О, — сказала земля, — посмотрите, что я берегла для вас. — И раскрыла сердце свое. — Большие сокровища у меня есть. Берите их и сделайте себя богатыми и счастливыми.

Так сказала земля.

Взяли люди железо и стали делать машины, чтобы не падало больше человеческого горького пота на лицо земли, чтобы

трудились на людей большие и красивые машины. Машинам все легко, а людям возле них радостно работать.

И сделали люди машину — сильную и горячую, с дыханием, как огонь. Резвая машина, лучшему коню за ней не угнаться. Сильная машина, целые дома возит.

И сделали люди машину, которая по полю идет, как корабль по морю плывет, а колос режет, и падает он человеку в руки зерном чистым.

И еще такую машину изобрели, что видит через нее ученый человек, что делается внутри другого человека.

И еще машина есть, которая из края в край летает, вокруг земли, вокруг солнца вертится.

Много прекрасных машин сделал человек из богатства, которое дала ему земля.

Но потом большие, самые большие люди так сказали:

— Надо показать всему миру, какая наша земля стала чистой и гордой.

— Как сделаем? — спросили их.

И ответили большие люди:

— Сделаем красную звезду из железа, ее укрепим и поставим высоко-высоко. Через горы, через реки, моря, через все

страны увидят ее люди и узнают, как нужно жить на земле.

Так и сделали.

Опять пришли к земле и спросили:

— Что подаришь?

Земля сказала:

— Возьмите! — и еще раз раскрыла свое сердце и отдала справедливым людям красный камень.

И сделали люди красные звезды, усеяли ими пространство вокруг земли. Всюду видны эти звезды, везде видны они: на самую большую гору поднимешься — увидишь, на самой маленькой горке станешь — увидишь. А света в них даже больше, чем у солнца.

На наши звезды смотрят люди со всех концов света, смотрят и говорят:

— Вот, есть ведь такие люди, что смогли прогнать богачей-кровососов, сделать свою землю чистой и гордой, а за это она отдала им свои богатства. И сделали эти люди жизнь свою такой же яркой, как эти звезды, что сияют высоко-высоко над нами. И легче им становится на душе.

ПРИМЕЧАНИЕ

ХАН И ЕГО СЫН

Легенда печатается по изданию: М. Горький, собрание сочинений в тридцати томах, т. 2, М., 1949.

О МЕДВЕДЬ-ГОРЕ

Медведь-гора (Аю-Даг) находится на Южном берегу Крыма возле Гурзуфа. Своими очертаниями она напоминает медведя, прильнувшего к воде.

Легенда печатается по изданию «Сказки и легенды». Крымиздат, 1957.

КАК ВОЗНИКЛА ЯЛТА

Греки появились в Крыму в VI—V веке до н. э. и основали здесь колонии — Пантикапей, Феодосию, Херсонес и др.

Легенда печатается по изданию «Крымские легенды», Крымиздат, 1957.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ С СОКОЛИНОЙ СКАЛЫ

Соколиная скала находится на Ай-Петринском массиве.

Легенда записана А. К. Кончевским («Сказки,

легенды и предания Крыма». Из-во «Физкультура и спорт», 1930).

ПОЧЕМУ ЧЕРНОЕ МОРЕ БУРЛИВОЕ

Сюжет легенды взят из книги В. Х. Кондараки «Универсальное описание Крыма», СПб, 1875. Легенда публикуется в обработке Г. Тарана.

ОРИННЫЙ ЗАЛЕТ

Недалеко от села Соколиного возвышается громадный утес, который в народе называют «Ориным залетом».

Легенда изложена М. Г. Кустовой. Публикуется впервые.

ГИКИЯ—ГЕРОИНЯ ХЕРСОНЕСА

Херсонес — греческое государство, которое было расположено на Гераклеюмском полуострове в нескольких километрах от современного Севастополя. Боспорское государство с главным городом Пантикапеем находилось на обоих берегах Керченского пролива.

Легенда записана В. Х. Кондараки («Универсальное описание Крыма». СПб, 1875).

ТАК БЫЛ ОСНОВАН БАХЧИСАРАЙ

Бахчисарай («Дворец-сад») основан в начале XV века, был столицей Крымского ханства. Легенда в аллегорической форме рассказывает о борьбе крымского и золотоордынского ханов за господство на Крымском полуострове.

Легенда записана А. К. Кончевским («Сказки, легенды и предания Крыма», изд-во «Физкультура и спорт», 1930).

ДЖАНЫКЕ ИЗ КЫРК-ОРА

Кырк-ор (с XVI века Чуфут-Кале)—древний город, расположенный близ Бахчисарая на скалистом плато. Здесь находится мавзолей над могилой Ненеке-джан (Джаныке) — дочери золотоордынского хана Тохтамыша.

Легенда изложена М. Г. Кустовой («Сказки в передаче Кустовой», Крымгиз, 1941).

ТЫСЯЧЕГОЛОВАЯ ПЕЩЕРА НА ЧАТЫР-ДАГЕ

Пещера Тысячеголовая находится в нижнем плато Чатыр-Дага (Шатер-горы). Тысячеголовой она названа потому, что в ней обнаружено много человеческих костей. Может быть, пещера действительно служила убежищем для спасающихся, а может быть, она использовалась как могильник.

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883).

ТОПОЛЬ, ГРАНАТ И КИПАРИС

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883).

ГУРЗУФСКИЕ СКАЛЫ-БЛИЗНЕЦЫ

На Южном берегу Крыма в районе Гурзуфа из моря выступают две скалы, которые именуются Адаларами — «Близнецами».

Легенда публикуется по изданию «Крымские легенды». Крымиздат, 1957.

О КОЛЫБЕЛИ, СПРЯТАННОЙ НА ГОРЕ БАСМАН

Генуэзцы утвердились в Крыму в конце XIII века по соглашению с татарами. Они владели Ка-

фой (Феодосия), Чембало (Балаклава), Сурожем (Судак).

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883).

ГОРДАЯ АЙШЕ

Бурунчук — местность возле Чуфут-Кале. Тепе-Кермен — древняя крепость, расположенная на вершине горы близ Чуфут-Кале.

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Сказки в передаче Кустовой», Крымгиз, 1941).

ГОРА-КУЗНЕЦ

Гора Демерджи («Кузнец»), очевидно, получила свое название от деревни Демерджи (ныне с. Лучистое). Может быть, жители этой деревни в древние времена занимались кузнечным ремеслом. Гора живописна по своим очертаниям, на ней возвышаются скалы причудливой формы, часто бывают обвалы.

Легенда печатается по изданию «Крымские легенды», Крымиздат, 1957.

ОБ ИСТОЧНИКЕ ПОД АЙ-ПЕТРИ

Легенда возникла, очевидно, на том основании, что в горах и предгорьях Крыма имеется много минеральных источников. Печатается по изданию «Крымские легенды», Крымиздат, 1957.

РУСАЛКА И ФОНТАН АРЗЫ

В Мисхоре на морском берегу есть скульптуры «Фонтан Арзы» и «Русалка», выполненные на сюжет легенды.

Легенда печатается по изданию «Сказки и легенды Крыма», Крымгиз, 1936.

МОГИЛА МАМАЯ

В летописи упоминается о том, что золотоордынский хан Мамай, разбитый русским князем Дмитрием Ивановичем, бежал в Крым, где и был убит.

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883). Публикуется в новой редакции.

ОБ УДАЛОМ КАЗАКЕ И ЖАДНОМ ТУРКЕ

Мангуп-Кале — древний город, расположенный в горном Крыму на громадном скалистом массиве. После завоевания Крыма турками Мангуп стал местом заточения узников.

Легенда упоминается В. Х. Кондараки («Универсальное описание Крыма», СПб, 1875). Печатается по изданию «Крымские легенды», Крымиздат, 1957.

ДИВА, МОНАХ И КОШКА

«Дива» (искаженное «джин» — «дух»), «Монах» и «Кошка» — так называются скалы возле Симеиза.

Легенда записана А. И. Полкановым («Ялта и ее окрестности», Крымгосиздат, 1927).

КАМНИ МАТЬ И ДОЧЬ

Кача — река, протекающая в юго-западной части Крыма. Над ее долиной в районе Бахчисарая нависли громадные камни причудливой формы.

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Сказки в передаче Кустовой», Крымгиз, 1941).

ДЛИННАЯ КРЕПОСТЬ

В легенде, очевидно, речь идет о развалинах какого-то строения на мысе Казантип Керченского полуострова.

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883). Публикуется в новой редакции.

ПИСЬМЕНА НА КАМНЕ БЛИЗ НИКИТЫ

Селение Никита расположено в нескольких километрах от Ялты.

Легенда печатается по изданию «Крымские легенды» Крымиздат, 1957.

ФОНТАН СЛЕЗ

«Фонтан слез», сооруженный по приказанию хана Крым-Гирея в 1764 г., является замечательным памятником водчества. Он воспет А. С. Пушкиным в поэме «Бахчисарайский фонтан».

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой.

ГОРА ДВУХ УДОДОВ—ОПУК

Гора Опук расположена на южной оконечности Керченского полуострова. Напротив Опука далеко в море виднеются скалы, похожие на паруса кораблей.

Легенда записана В. Х. Кондараки («Легенды Крыма», М., 1883).

ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ В СУДАКЕ

Судакская крепость с Девичьей башней является значительным историческим памятником Крыма.

Легенда печатается по изданию «Легенды Крыма», текст И. Маркса, М., 1915.

ОКСАНА

Легенда отражает историческую борьбу украинского народа против крымских татар, которые совершали на Украину опустошительные набеги.

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой. («Легенды Крыма», Крымиздат, 1959).

ОБ ОЗЕРАХ ЦЕЛЕБНЫХ

Целебные свойства сакских озер люди заметили еще в давние времена и сложили ряд легенд. Несколько из них упоминается в трудах А. И. Щербакова («Сакские грязи в Крыму», М., 1884; Грязелечебные местности в Европейской части России», М., 1878.).

Настоящая легенда публикуется в обработке Ю. Ярыша.

ТАК КОНЧИЛСЯ ХАНСКИЙ РОД

На Чатыр-Даге, как и во всем Крыму, нет и не было золота. Татарские ханы добывали его в грабительских походах, которые они совершали на чужие земли.

Легенда записана В. Х. Кондараки, («Легенды Крыма», М., 1883.) Публикуется по изданию «Легенды Крыма», Крымиздат. 1959.

О СЕМИ КОЛОДЕЗЯХ

Селение Семь-Колодезей находится на Керченском полуострове в местности, которая бедна водой.

Легенда печатается по изданию «Крымские легенды», Крымиздат, 1957.

ГОРОД СЛАВЫ НАРОДНОЙ

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Легенды Крыма». Крымиздат, 1959.).

ТРИНАДЦАТЬ БЕССМЕРТНЫХ

В гражданскую войну в Бахчисарае белогвардейцы расстреляли тринадцать красных воинов.

Здесь же в период фашистской оккупации были зверски замучены тринадцать юных патриотов-подпольщиков.

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Легенды Крыма», Крымиздат, 1959).

ПАРТИЗАНСКАЯ РЕЧКА

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Сказки в передаче Кустовой», Крымгиз, 1941).

НАШИ ЗВЕЗДЫ

Легенда печатается в изложении М. Г. Кустовой («Сказки в передаче Кустовой», Крымгиз, 1941).

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Цветы с черноморского берега	3
Хан и его сын, <i>М. Горький</i>	7
О Медведь-горе	20
Как возникла Ялта	27
Птица Счастья с Соколиной скалы	29
Почему Черное море бурливое	36
Орлиный залет	42
Гикия — героиня Херсонеса	51
Так был основан Бахчисарай	61
Джаныке из Кырк-ора	65
Тысячеголовая пещера на Чатыр-Даге	72
Тополь, гранат и кипарис	76
Гурзуфские скалы-близнецы	80
О колыбели, спрятанной на горе Басман	88
Гордая Айше :	96
Гора-кузнец	102
Об источнике под Ай-Петри	108
Русалка и фонтан Арзы	112
Могила Мамая	119
Об удалом казаке и жадном турке	125
Дива, Монах и Кошка	130
Камни Мать и Дочь	135
Длинная крепость	142
Письмена на камне близ Никиты	148
Фонтан слез	154

Гора двух удовов — Опук	159
Девичья башня в Судакe	166
Оксана	172
Об озерах целебных	185
Так кончился ханский род.	190
О семи колодезях	199
Город славы народной	204
Тринадцать бессмертных	214
Партизанская речка	223
Наши звезды	231
Примечания	237

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА

*Переплет, форзац и титул
художника Ю. Бельковича,
заставки и концовки
художника Р. Голяховского.*

✱

Редактор Г. Таран.
Художественный редактор
И. Литвинов.
Технический редактор
А. Фисенко.
Корректор
Н. Зейгарник.

✱

БЯ 00108. Объем 7,08 п. л.,
6,08 уч.-изд. л. Формат бу-
маги 60×84¹/₃₂. Второй до-
полнительный тираж 50.000
экз. Сдано в производство
4/IV-1961 г. Подписано к пе-
чати 2/VI-1961 г. Крымобл-
типолитография, г. Симфе-
рополь, проспект им. Киро-
ва, 32/1. Заказ 3209. Цена
34 коп.

Дорогие читатели!
Присылайте ваши отзывы о
«Легендах Крыма» по адресу:
г. Симферополь, ул. Горького, 5.
Крымиздат.

ЦЕНА 34 КОП.